

АДВОКАТЫ ВРЕМЕН АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВАХ

Корпорации, конферрии, гильдии, коммуны и прочие саморегулирующиеся сообщества возникли и укрепились на Западе в период если не полного «вакуума» центральной власти, то ее заметного ослабления. Как складывалась судьба этих сообществ, когда центральная власть вновь усиливалась? Византийский император Лев VI Мудрый (886–912) ликвидировал Синклит и провинциальные курии, а с ними и все сословие куриалов, поскольку теперь василевс «обо всем заботится и печется сам, и с Божьей помощью все дела направляются и решаются его попечением»¹. А ведь речь шла об институтах, унаследованных Византией от античного муниципия, на протяжении веков обеспечивавших соучастие в управлении столичных и провинциальных элит. Не пошли ли «новые монархии» Европы XVI–XVII вв. по тому же пути?²

Политическая реальность режимов, оформившихся в период раннего Нового времени, не походила на паровой коток, сокрушающий традиционные структуры и институты представительства. Но теоретическое оснащение сильных европейских монархий в этот период обновлялось, создавая абсолютистские идеологические и правовые системы, в рамках которых монарху отводилась роль главного и даже единственного источника права. Самым централизованным и в отношении абсолютистской идеологии самым «новым»

¹ Литаврин Г.Г. Византийское общество и государство. М., 1977. С. 178.

² Внимание французской общественной мысли XVI–XVII вв. к византийскому опыту общеизвестно, хотя традиционным оставался конечный вывод, осуждавший автократов-схизматиков. См.: Копосов Н.Е. Идеологи французского абсолютизма о византийской автократии // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 102–120.

представлялось Французское королевство³. Для уяснения того, какое место отводилось саморегулирующимся сообществам в этой новой системе, логично будет обратиться к сочинениям французских адвокатов, творивших в эпоху последних Валуа и первых Бурбонов.

I. ЭТЬЕН ПАСКЬЕ

В предыдущем разделе мы уже встречались с Этьеном Паскье (1529–1615) — парижским адвокатом и автором сочинения «Разыскания о Франции»⁴, первое издание которого было опубликовано в 1560 г., а последнее прижизненное издание вышло в 1607 г. Паскье откликался на важнейшие события в жизни страны: в 1564 г. он представлял интересы Парижского университета на судебном процессе против иезуитов (его речь легла в основу французской антииезуитской полемической традиции), с приходом к власти в Париже Католической лиги (1588) переехал в Тур, где заседал роялистский «парламент в изгнании».

Как и многие адвокаты того времени, Паскье в судебных речах часто пускался в исторические экскурсы, поясняя происхождение тех или иных институтов, которые находились в центре интересов конфликтующих сторон. Его постоянно дополняемые «Разыскания...» многим обязаны этой стороне деятельности адвоката. Важно, что как исследователь прошлого Паскье принадлежал к новой генерации историков-эрудитов. Он был последовательным сторонником критического метода, основное внимание уделял работе с источниками. Это дало ему возможность выступить против многих исторических мифов и стереотипов. Несмотря на выводы,

³ Это стало общим местом в трудах авторов, творивших уже в начале XVI в. См.: *Seysset Cl. De la Grande Monarchie de France*. Paris, 1519.

⁴ *Pasquier E. Les Recherches de France*. Paris, 1621. Андрей Дмитриевич Михайлов переводит название этого труда как «Ученые записки о Франции». См.: *Михайлов А. Д.* Проза второй половины XVI в. // История всемирной литературы. Т. 3. М., 1985. С. 267. Однако сам автор не кичился ученостью своего сочинения, подчеркивая, что главным его достоинством являются предпринятые поиски в различных архивах.

противоречившие порой общему мнению, его труды получили широкую известность. Важно помнить, что «Разыскания...» — не систематическое изложение истории Франции, а ряд экскурсов, посвященных тому или иному предмету, который привлек внимание автора, будь то учреждение, крылатая фраза, обычай, инсигнии и т.д. Интересно посмотреть, насколько часто внимание Паскье обращалось к темам, актуальным для нашего исследования?

УНИВЕРСИТЕТ

О Парижском университете Паскье писал много (об этом мы знаем из предыдущей части). Он развенчал миф о том, что основателем Парижского университета был Карл Великий, — тогда в этом было уверено большинство парижан. Эти аргументы Паскье были использованы его другом, адвокатом Антуаном Луазелем, на судебном процессе 1587 г., имевшем большой резонанс⁵. Подкрепляя сведениями из источников свой вывод, историк вполне определенно датирует начало известности парижских школ лишь XII веком, а формирование университета относит к правлению Филиппа II Августа. Проявляя последовательный историзм, Паскье демонстрирует длительность формирования университетских структур и относит завершение этого процесса к 1275 г. — ко времени реформы папского легата, кардинала Симона де Бриона (будущего папы римского Мартина IV). При этом университет *in corpore*, по мнению историка, скорее был объектом, а не субъектом этого процесса. Папские легаты регулировали университетскую жизнь, а короли жаловали университету привилегии.

Задаваясь вопросом о том, кто является главой университета, Паскье показывает, как возникла ректорская должность. Когда богословские школы остались на острове Сите, а школы искусств переехали на Левый берег, сгруппировавшись вокруг церкви Сен-Жюльен ле Повр, тот, кто управлял ими на этом новом месте, стал называться ректором.

⁵ Уваров П.Ю. Университет — дочь двух отцов? История как аргумент в суде и средство социальной консолидации (Париж, 1586) // Люди и тексты: Исторический альманах. 2013. Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 183–226.

Поскольку факультетов канонического права и медицины в начале XIII в. еще не было, то глава факультета искусств и считался главой университета. Ректоров избирали на небольшой срок — от четырех до шести недель. Впоследствии в ходе реформы кардинала Симона де Бриона был зафиксирован трехмесячный срок ректорских полномочий. Ректор являлся главой университета, исходя из чисто арифметических расчетов, — факультет искусств не только был самым многочисленным, но и обладал на университетской ассамблее четырьмя голосами «наций» (французской, нормандской, пикардийской и немецкой) против трех голосов деканов высших факультетов — теологии, канонического права и медицины. Паскье достаточно подробно описывает почести, воздаваемые ректору, и его прерогативы (он принимал присягу на верность университету у студентов, утверждал на вакантные должности казначеев, писцов, педелей университета), рассказывает об университетской процессии, каждый год шествовавшей по городу, о месте в ней ректора, о его особых правах в отношении ярмарки в Ланди (между аббатством Сен-Дени и Парижем), раскрывает символику серебряной булавы, которую педели несли перед ректором. Но почести, воздаваемые ректору, по мнению Паскье, были обратной стороной эфемерности его власти.

Паскье сравнивает ректорскую должность с магистратурой римского диктатора, обладавшего неограниченными прерогативами, но лишь в течение одного семестра. Проводя это сравнение, Паскье называет университет «маленькой республикой»⁶. Это практически единственное упоминание о «республиканском» характере университета⁷. Конечно, Паскье знал, как работает университетское самоуправление, но не делал на нем акцента.

Для адвоката важнее было сопоставить власть ректора и канцлера. В университете царила уверенность, что его главой мог быть только ректор, а претензии канцлера на эту

⁶ *Pasquier E. Les Recherches... P. 842.*

⁷ В другом месте, рассказывая о борьбе за свободы Галликанской церкви, Паскье уподобляет Парижский университет народному трибуналу в Риме. Но это лестное сравнение относится не к внутреннему устройству университета, а к его роли в общецерковных делах (См.: *Ibid. P. 261*).

роль квалифицировались как попытки узурпации. Причем так считали не только «артисты», но и теологи⁸. Паскье был убежден в обратном. Канцер, с его точки зрения, исторически и был тем самым каноником, которому было поручено руководить обучением в древней соборной школе: он выдавал лицензии магистрам еще в XII в., а после образования университета продолжал от своего имени присуждать *licentia docendi*, впрочем, уже не экзаменуя соискателей сам, а лишь утверждая результаты экзамена, который проводили доктора, делегированные факультетом⁹.

Паскье сравнивает этих ректора и канцлера с военачальниками разных рангов. Ректор подобен капитану: капитан набирает солдат и заносит их в списки, ректор тоже принимает присягу от поступивших студентов, заносит их в университетские списки и выдает свидетельства о том, что они принадлежат к университетской корпорации. Канцлера же можно уподобить тому полководцу, который сам назначает капитанов, поскольку канцлер, присутствуя на экзаменах, от своего имени присваивает степень. Не следовало забывать, что ректор осуществлял свои функции («магистратуру», по словам Паскье) всего три месяца, а канцлер — всю жизнь. Папы, направляя письма в адрес университета, неизменно адресовали их канцлерам и ни разу не обращались к ректору. Зато светские сеньоры, желавшие втянуть университет в политическую борьбу, обращались именно к ректору; так это случалось, например, во время борьбы бургиньонов и орлеанистов (арманьяков). Наш адвокат оценивал это как исключительно негативное явление, пагубно сказавшееся на престиже университета, как и любое вмешательство внешних сил в жизнь корпорации.

Паскье был категорически против того, чтобы университетские споры становились достоянием публики, поскольку

⁸ Уваров П.Ю. Коллизия в Парижском университете 1543 г. Сценарий и комментарии // Средние века: Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2015. Вып. 76 (1/2). С. 161–190. Характерно, что университетские авторы двух последующих веков описывали подобные действия канцлера именно как узурпацию.

⁹ Присвоение степеней магистрам искусств осуществлялось при участии канцлера аббатства Сент-Женевьев, но Паскье намеренно игнорирует это обстоятельство.

это могло вводить в искушение простой народ. Называя факультет «духовным питомником, всегда отважно сражавшимся с противниками веры», Паскье завершает раздел следующим образом: «Только одного я желаю этой distinguished компании: чтобы они, как [один] человек, не разделились на партии, отвечая мнениям грандов, желаниям грандов, но всегда оставались бы самими собой, в единстве»¹⁰.

В памяти автора и его читателей еще свежи были события Парижской лиги, в которой факультет теологии Парижского университета в целом и в особенности отдельные его представители, так называемые «молодые доктора», сыграли важнейшую роль. Они обосновали легитимность восстания против «короля-тирана» Генриха III и потом сопротивления «королю-еретику» Генриху IV. И этот поворот парижских теологов не был случайным¹¹. Однако условиями умиротворения страны Генрихом IV и объявленной им амнистии были полное забвение недавних смут и запрет упоминаний о них.

«Верный сын университета», Паскье видел в этом учреждении главный интеллектуальный ресурс в борьбе за свободы Галликанской церкви, против посягательств Рима на права французской короны. Поэтому неблагоприятную роль Парижского университета в событиях совсем недавнего прошлого адвокат списывал на излишнюю преданность отдельных докторов дому Гизов и кланам других мятежных принцев и, главное, на тлетворное влияние иезуитов на умы некоторых парижских теологов.

В своих филиппиках против иезуитов Паскье, как и следовало ожидать, доказывает злокозненность Общества Иисуса и превозносит заслуги университетских теологов в деле защиты веры. Но при этом он странным образом не упоминает о нарушении иезуитами прав университета: члены

¹⁰ “Un point seulement désiré ie en cette venerable compagnie, c'est que comme hommes ils ne se partialisent en brigues pour contenter l'opinion des grands, ainsi demeurent toujours en eux mesmes” (*Pasquier E. Recherches...* P. 814).

¹¹ *Amalou Th. Une Sorbonne régicide? Autorité, zèle et doctrine de la faculté de théologie pendant la Ligue (1588–1593) // Les universités en Europe (1450–1815): Actes du colloque de l'Association des historiens modernistes des universités françaises tenu le 23 janvier 2010. Paris, 2013. P. 77–116.*

Общества Иисуса пытались проникнуть в недра университетской корпорации, чтобы стать ее полноправными членами и подчинить своей воле.

В этом отношении королевский адвокат Батист Дюмениль на процессе 1564 г. оказался более привержен университетской традиции: в своем выступлении он подробно рассказал о борьбе университета с нищенствующими монахами в XIII в. и с уважением отозвался о секулярном теологе Гильоме де Сент-Амуре, который до конца отстаивал права университета и пострадал из-за интриг монахов. Тогда под давлением папы и короля университету пришлось уступить, но права орденов все-таки были ограничены, нищенствующим монахам не дали стать полноправными членами корпорации, хотя скоро они отказывались приносить присягу университету¹².

Получается, что Паскье, при всем его позитивном отношении к университету, не склонен был обращать особое внимание на корпоративное, саморегулирующееся начало в его истории. Но при этом адвокат вполне отдает себе отчет как в его наличии, так и в возможности конфликта между отдельными частями ученого сообщества (споры между факультетами и землячествами).

КОНФЕРИИ

В экскурсах Паскье во французскую историю мы не найдем ни отсылок к борьбе городских коммун против сеньоров, ни анализа взаимоотношений ремесленных корпораций, купеческих гильдий и объединений подмастерьев — компаньонажей. О религиозных братствах, за которыми скрывались профессиональные объединения, Паскье, впрочем, в одном месте рассказывает. Внимание историка привлекли конфликт братства хирургов Свв. Космы и Дамиана с Парижским университетом и противостояние братства хирургов и братства парижских цирюльников.

«У хирургов есть старое негласное соглашение (*cabale*), согласно которому они приписывают учреждение своей

¹² Crevier J.-B.-L. Histoire de l'Université de Paris depuis son origine jusqu'en l'année 1600. Paris, 1761. T. VI. P. 193.

коллегии святому Людовику»¹³, — начинает Паскье и тут же переходит к опровержению данного тезиса. Он анализирует первое упоминание о коллегии парижских хирургов, содержащееся в эдикте Филиппа IV от 1311 г., а затем последовательно разбирает еще два подобных королевских эдикта — 1352 и 1366, в которых уточнялся порядок испытаний новых хирургов, обязанных после успешных экзаменов присягать королевскому прево Парижа¹⁴. Паскье обращает внимание на то, что при всей очевидной связи университетской медицины с хирургией об университете в эдиктах не упомянуто. Да и сам университет считал хирургию чем-то низшим, связанным с нечистотой, кровью, жестокостью.

Хирурги же «во искупление этой нечистоты посвятили свое искусство благочестию под именем братства во имя свв. Космы и Дамиана. Повелось, что в первый понедельник каждого месяца после завершения Божественной литургии в церкви Сен-Ком э Сен-Дамиан они обязуются бесплатно принимать всех приходящих туда бедных, нуждающихся в помощи»¹⁵. Потом Паскье приводит аргументы другой стороны — университета, показывая его связь с хирургами, которые практиковались в госпитале Отель-Дьё. Автор пускается в длительный экскурс, посвященный истории сосуществования медиков, хирургов и аптекарей. Для Паскье открытый конфликт медиков и хирургов — факт сравнительно недавней парижской истории. Университетские медики настаивали на том, что хирурги должны проводить операции лишь по их предписанию, тогда как хирурги, ссылаясь на королевские привилегии, настаивали на своей полной независимости. Паскье с иронией предлагает компромиссную формулировку, подчеркивающую связь конфликтующих сторон: «Замечу, что двоим все же легче отнести мертвеца в могилу, чем одному»¹⁶.

В целом автор выступает на стороне хирургов, хотя и с определенными оговорками. Они должны сохранять свою

¹³ *Pasquier E. Recherches...* P. 859.

¹⁴ *Ibid.* P. 862.

¹⁵ *Ibid.* P. 863.

¹⁶ *Ibid.* P. 868.

автономию и привилегии, но при этом координировать действия с факультетом медицины.

Меньше одобрения встречают у Паскье притязания цирюльников, получивших право лечить неопасные раны и ушибы и претендовавших на равенство с хирургами. Однако и для цирюльников он находит достаточное количество прецедентов, подтверждающих древность их коллегии. В борьбе с хирургами цирюльники стремились опереться на помощь университета, добиться права посещать отдельные лекции медиков и обеспечить участие последних в проведении вступительных испытаний в их коллегиях. В дело вмешивался Парижский парламент, неоднократно устанавливавший правила сосуществования представителей двух смежных профессий. Добившись в 1613 г. подтверждения некоторых своих привилегий, цирюльники решили, что выиграли дело, и стали именовать себя цирюльниками-хирургами. Они оставили свое прежнее братство, располагавшееся в церкви Сен-Сепюлькр (Св. Гроба Господня), обрядились в мантии и квадратные колпаки, продемонстрировав таким образом, что считают теперь себя полноправными членами братства Свв. Космы и Дамиана, и явились на престольный праздник хирургов в их церковь. Этот демарш вызвал отчаянное сопротивление хирургов, которые возбудили новый процесс и добились в 1614 г. решения парламента о восстановлении прежнего порядка. Пришлось цирюльникам возвращаться в покинутую церковь Св. Гроба Господня... Но капелланы этой церкви заявили, что место цирюльников уже занято. Парижане шутили, что «цирюльникам рано стремиться во гроб, поскольку они еще живы. На это другие возражали, что они, проиграв свой процесс, стали подобны мертвецам, достойным могилы».

Паскье выражал надежду, что парламенту удастся положить конец дразгам. Пока же это судебное дело напоминало ему ткань Пенелопы: все, что соткано днем, распускалось затем ночью¹⁷. Идеалом для Паскье был компромисс, взаимовыгодное сотрудничество и разграничение полномочий между организациями медиков (членов факультета медицины), хирургов и цирюльников. За факультетом

¹⁷ *Pasquier E. Recherches...* P. 879.

и коллегиями-братствами признавалось автономное существование и право действовать самостоятельно. Любопытно, что истоком легитимности корпораций являлось не столько благочестие само по себе, сколько общественная польза: бесплатная помощь хирургов бедным, бесплатные услуги цирюльников, предоставляемые несколько дней в году. Адвокат-историк хотя и не делал на этом акцента, но все же отмечал важность корпоративных процессов и символических объектов как гарантий общих прав. В каком-то смысле лишиться своей часовни для профессионального братства действительно было равносильно смерти.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ

В своих «Разысканиях...» Паскье затронул и проблему представительства сословий на Генеральных штатах, хотя и уделил этому вопросу всего шесть страниц (тогда как университету посвящена почти сотня страниц). Для него, сражавшегося против антиабсолютистских нападков монархомахов (протестантских и католических), важным было разрушить миф об извечном характере народных собраний, избравших франкских королей. По мнению Паскье, потребность в представительстве возникла лишь тогда, когда речь зашла о сборе налогов, а ни при Меровингах, ни при Каролингах, ни при большинстве королей династии Капетингов «талья, эды и субсидии не были распространены»¹⁸. Прежде короли жили доходами своего домена, пополняя ими казну. Талья и прочие сборы были строго ограничены обычаями. Когда Людовик Святой рекомендовал сыну не обременять народ тальями, это означало не собирать экстраординарные «помочи». Народ никогда не любил эти сборы, именуя их словом «*maltôts*» — «дурной обычай»; на тех, кто собирал эти деньги, всегда готов был излиться народный гнев.

Налоговый вопрос и страх мятежа стали, по мнению Паскье, отправными точками в становлении представительных органов: с целью избежать бунтов мудрецы, искушенные в мирских делах (*les sages mondaines*), предложили собирать

¹⁸ Ibid. P. 81.

деньги с возможной мягкостью, чтобы подсластить пилюлю народу и продемонстрировать таким образом некоторое уважение к нему.

«Короли стали созывать ассамблеи в каждом сенешальстве и бальяже, чтобы там духовенство, дворянство и обыватели из народа (*demeurant du peuple*), которых называли третьим сословием, давали советы о том, как способствовать требованиям войн, что велись тогда. Наговорившись друг с другом, они назначали бы каких-то лиц от каждого сословия (*ordre*), чтобы собраться вместе в городе, где будет проводиться ассамблея Генеральных штатов. На ней, как это происходит и сейчас, канцлер в присутствии короля убеждает в важности реформ государства и просит всех приложить к этому свой талант. И какие бы прекрасные ордонансы ни публиковались затем с целью реформирования государства, это лишь красивое покрывало, служащее для того, чтобы впечатлить потомков. Лишь налог, на который король получает согласие, имеет значение»¹⁹.

И очевидно, продолжает Паскье, если вопреки древним обычаям Франции простолюдины столь настойчиво призываются на эту ассамблею, то лишь потому, что на них падет основное бремя и груз расходов. Связав себя обещаниями и обязательствами, данными на ассамблее штатов, они не будут более иметь возможности отказываться или роптать. Паскье называет идею созыва представительных ассамблей «изобретением в высшей степени мудрым и политическим».

Народ, замечает Паскье, сам жаждет открытия таких собраний, где король своей милостью добивается больших успехов, чем требованиями, подкрепленными абсолютной властью. И в этом автор видит отличие Генеральных штатов от Вселенских соборов Церкви. Созыв соборов умаляет власть папы, в то время как «не бывает ассамблеи Генеральных штатов Франции без того, чтобы финансы короля в итоге не увеличились, а богатство народа не уменьшилось»²⁰.

¹⁹ “En celieu quelques bonnes Ordonnances quel'on face pour la reformation generale, ces ont belles tapisseries, qui servant seulement de parade à une posterité. Cependant l'impost que l'on accorde au Roy, est fort bien mis a effect” (Ibid. P. 82).

²⁰ *Pasquier E. Recherches... P. 82.*

Далее историк кратко описывает процесс появления этого института в правление Филиппа IV Красивого. Войны во Фландрии вынудили короля вводить все новые и новые налоги, что становилось причиной мятежей. По наущению Ангеррана де Мариньи, советника короля, были созданы штаты, благодаря которым удалось собрать сумму, необходимую для продолжения войны, без взрыва народного недовольства.

Удача первых штатов способствовала тому, чтобы этот опыт превратился в обычай, закрепленный при первых королях династии Валуа. Карл V Мудрый потому и заслужил свое посмертное прозвище, что все, что он делал, было прочным и надежным, согласованным с мнением штатов или парламента, чего ранее за королями не водилось. В повествовании о штатах Паскье больше интересует не представительство сословий, а то, как вводились налоги, как рождались институты налогообложения — внешне санкционируемые и создаваемые штатами, но де-факто находившиеся под королевским контролем. На примере Великого мартовского ордонанса (1 марта 1357 г.) автор показывает, каким образом мера, вводимая как однократная, превращается вскоре в обычай, ибо «мы живем в королевстве прецедентов»²¹.

Бурные события, последовавшие после пленения Иоанна Доброго, продемонстрировали, по мнению Паскье, правило, которое должны помнить короли: — «никогда не созывать штаты при наличии принца, возглавляющего свою партию, окрыленного попутным ветром и популярного в народе». Речь шла о Карле Злом, короле Наваррском, оказавшем влияние на парижан во главе с Этьеном Марселем, парижским купеческим прево. В этих условиях «уступить штатам значило проиграть, и все же дофин Карл (будущий Карл V), подобно мудрому кормчему, ведущему корабль в бурю, который рубит мачты, чтобы сохранить корабль, пожертвовал своими советниками, выдав их на казнь»²², но в итоге добился согласия сословий на столь необходимые налоги.

Уже на штатах 1358 г., созданных в Компьене, дофин идет на создание должностей генералов финансов и элю — чиновники на эти должности назначались штатами, но подтверждались

²¹ “Royaume des consequences” (Ibid. P. 84).

²² Ibid. P. 85.

королем. Опять Карл уступает, но в результате окончательно получает право распоряжаться налогами.

Генеральные штаты — довольно важная вещь для Паскье и даже необходимый институт, но они интересуют историка, скорее, как объект королевской политики и как повод поговорить об истоках институтов и происхождении важнейших королевских финансовых должностей.

II. РАУЛЬ СПИФАМ

Если для Этьена Паскье, чей взгляд устремлен в прошлое, корпорации представляли собой нечто ценностнонейтральное, хотя и не слишком интересное, то второй адвокат — Рауль Спифам (1500–1563), реформатор-прожектор, был настроен к этим структурам откровенно враждебно.

Спифам — старший современник Паскье. В 1556 г. он нелегально издает сочинение «Дикэархия», чье полное название можно перевести как «Упражнение христианнейшего короля Генриха в хороших законах»²³. Это сборник постановлений, составленных от имени Генриха II и направленных на реформирование дел в судопроизводстве. Вместе с тем уже из латинского посвящения на первой странице следует, что «законы» записаны «галльским поэтом Родольфом Спифамом». Тираж «Дикэархии» по решению парламента был конфискован, но определенный резонанс книга имела. Так, например, в XVIII столетии Жан Офре, экономист и поклонник физиократов, опубликовал избранные постановления Рауля Спифама со своими комментариями и характерным названием: «Взгляды политика XVI века на законодательство своего времени, в равной мере подходящие для реформирования оногo в наши дни»²⁴. Избранные «постановления» Офре не просто переиздал (подвергнув редактированию в соответствии с языком и стилем XVIII столетия), но и снабдил их небольшими ремарками, а также ссылками на аналогичные меры, прописанные в законодательстве других стран.

²³ *Spifame R. Dicaearchiae Henrici Regis christianissimi progimnasmata*. Paris, 1556.

²⁴ *Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle sur la législation de son temps, également propres à réformer celle de nos jours*. Amsterdam, 1775.

Об удивительном даре пророчества Спифама немало писали и в XIX в.²⁵ Вот, например, высказывание одного из авторов, который изучал историю ночного освещения в Париже и в этом контексте упомянул соответствующее постановление «Дикэархии»: «Рауль Спифам опубликовал в 1556 г. книгу, содержащую смелые проекты реформ, которые почти все были осуществлены в последующие годы»²⁶.

Причина прозорливости Спифама отчасти состояла в том, что ему удалось уловить «дух законов» абсолютизма. Королевская власть укрепляется максимально, когда воображение законодателя свободно (или почти свободно) от традиций и препятствий. Важно, что и в фантазиях Спифама, и в преамбулах к вполне реальным эдиктам и ордонам монарх мотивировал свои меры острой необходимостью, порожденной военным временем.

ДИКТАТОРСКАЯ ПЕЧАТЬ И ИНСТИТУТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Сам автор «Дикэархии» главным назвал бы, наверное, свое *девятнадцатое постановление*. Суть его состоит в учреждении особой королевской печати и особой юстиции.

«Приказывает король, что отныне будет специальная печать для этой юстиции, которая будет называться имперской и диктаторской печатью. Исполнение писем, скрепленных этой печатью, будет зависеть лишь от воли короля, и никто не сможет противоречить или противостоять ей, заявляя протесты или подавая апелляции»²⁷. Проволочка или нерадивость может послужить поводом для обвинения в преступлении — оскорблении Величества третьей степени. Подача апелляции на это

²⁵ *Fournier E.* Le vieux-neuf: Histoire ancienne des inventions et découvertes modernes. Paris, 1859. Т. 2. P. 398, note 4; *Nys E.* Raoul Spifame. Avocat au parlement de Paris // *Revue de droit international et de législation comparée*. 1890. Т. 22. P. 481–519; *Defrance E.* Histoire de l'éclairage des rues de Paris. Paris, 1904. P. 22; *Mathorez J.* Un radical-socialiste sous Henri II: Raoul Spifame // *Revue politique et parlementaire*. 1914. Т. 89. P. 538–559.

²⁶ *Defrance E.* Histoire de l'éclairage... P. 22.

²⁷ *Spifame R.* Dicaearchiae... Fol. 28.

решение будет считаться уже преступлением второй степени. Для должностного лица, ответственного за данное распоряжение, отказ незамедлительно исполнить его станет уже преступлением первой степени. Действия тех коллег, которые станут оказывать этим обвиняемым помощь, также будут расценены как преступное неуважение к своему государю.

Учреждая диктаторскую печать, хранителя которой он именует *диктатором*²⁸, Спифам видит ее смысл в незамедлительном исполнении королевской воли и исключении любого сопротивления. Диктаторская печать в экстренных случаях призвана экономить драгоценное время.

Но такая решительность противоречила практике даже зрелого французского абсолютизма. «Он возжелал того, чего наши короли никогда не желали»²⁹, — с удивлением комментирует это постановление Жан Офре, столь восторженно отнесшийся к прочим нововведениям Спифама.

Интересна преамбула этого постановления, излагающая общие вопросы политической теории. В рассуждениях о трех формах правления по Аристотелю, Спифам делает акцент на факторе времени. Из-за того что распоряжения монарха выполняются с большим промедлением, наилучший вид государства — монархия — «вырождается в иной вид, не столь достойный и весьма плачевный для народа. Ведь некогда народ, отправляя государственную власть в форме демократии и чувствуя себя при ней плохо, согласился на правление одного суверена, чтобы его благоразумные решения быстро исполнялись, чего не может быть при созыве народа или хотя бы наиболее видных его представителей, ибо сколько голов, столько и будет мнений». Правление аристократии, по определению Спифама, — господство многих знатных людей равного могущества, образует «безголовое мистическое тело». Правитель в этом случае является не более чем почетным служителем, который может быть смещен по воле своих

²⁸ В «Дикэархии» на должность хранителя этой печати назначается сам Рауль Спифам. По-видимому, Спифам (в отличие от Этьена Паскье) в термине «диктатор» придавал значение не столько кратковременности полномочий этого магистрата, сколько неограниченности этих полномочий.

²⁹ «Il veut ce que nos Rois n'ont jamais voulu» (*Auffray J. Vues d'un politique du XVIe siècle... P. 238*).

«со-властцев», а из-за интриг и заговоров принимаемые решения запаздывают еще больше. Это приводит к тяжким, часто непоправимым последствиям. Данной деформации подвержены монархии, подвластные решениям многих, без чьего согласия король не может ничего предпринять. «Так порой случалось и во Франции, когда король, желая свершить великие деяния для своей короны и укрепить полноту королевской власти над своими парламентскими куриями (в особенности над курией Парижского парламента), встречал сопротивление... что приводило к величайшим проволочкам». Но парламент не самое большое зло: «Еще хуже бывало, когда король намеревался выслушать мнение созванных штатов, которые, кроме того что весьма опасны и склонны к мятежу, создают неудобства дополнительными помехами и длительными проволочками, из-за чего хороший случай всегда бывает упущен. Даже если поначалу достигается согласие, по истечении времени и аристократия, и демократия, представленные указанными сборищами³⁰ парламентариев и ассамблеями штатов, возвращаются к своей изначальной природе, состоящей в том, чтобы сопротивляться королю, лишая его выгоды, заключенной в быстроте решений и скором их исполнении»³¹.

В оценке институтов представительства Спифам гораздо радикальнее, чем Паскье.

УНИВЕРСИТЕТ И МУНИЦИПАЛИТЕТ

Как и Паскье, Спифам немало места уделяет Парижскому университету. В «Дикэархии» король заботится об успехах наук и образованности, определяет порядок проведения экзаменационных богословских диспутов, регламентирует цвета докторских мантий и колпаков, утверждает распорядок работы коллегий. Но когда речь идет о корпоративном устройстве университета, тон «Дикэархии» меняется.

³⁰ *Consilluble* — уничижительный термин, применявшийся для характеристики различных самозванных и потому незаконных собраний, например соборов духовенства, собиравшихся без разрешения папской или светской власти.

³¹ *Spifame R. Dicaearchiae... Fol. 24v–25.*

Преамбула *семнадцатого постановления* начинается с указания на дурную славу тех интриг и склок, которые сопровождают выборы ректора и других должностных лиц — от прокуроров наций до педелей и университетских казначеев. Эти склоки не только затрудняют судопроизводство, поскольку время тратится на разбор мелочных дел, затягивают отчетность, но и губительно влияют на умы студентов, подавая им дурной пример³².

Действительно, частыми были стычки во время выборов, когда в церкви Сен-Жюльен ле Повр выбивали стекла и ломали скамьи. Неоднократные попытки оспорить результаты выборов подтверждаются многочисленными свидетельствами. Спифам от имени «короля» повелевает, что отныне ректоров будут избирать из двух лучших магистров искусств, «имеющих лицензии сверху и снизу, т.е. они должны быть выданы канцлерами Св. Женеьевы и Парижской церкви». Этот пассаж труден для перевода, он требует пояснений. Старый порядок, согласно которому ректором становился лишь магистр искусств, формально сохраняется. Но кандидату на пост ректора теперь надлежит иметь не только степень магистра (лиценциата) искусств, которую выдавал канцлер аббатства Сент-Женеьев, но еще и степень одного из высших факультетов, которую выдавал канцлер собора Нотр-Дам. Аббатство Сент-Женеьев по отношению к университету расположено на холме, т.е. «сверху», а собор Нотр-Дам — «снизу», на острове Сите. Таким образом, возрастной и образовательный ценз, предъявляемые к кандидатуре ректора, повышались помимо степени в «свободных искусствах», кандидат должен был обладать степенью теолога, декретиста или медика. Дополнительно Спифам предписывает более тщательно проводить расследования о нравах и происхождении кандидата. Он напоминает, что требования к соискателям разные: одни — для тех, кто завершает обучение и в дальнейшем будет довольствоваться лишь этой степенью, «полученной как знак достигнутого совершенства», а другие, более строгие, для тех, кто получает степень, чтобы продолжить продвижение на высших факультетах. К кандидатуре ректора следует подводить с более строгих позиций. Во всех остальных

³² Ibid. Fol. 21v.

случаях для занятия университетских должностей предпочтение должно отдаваться кандидатурам, имеющим больший стаж пребывания в составе корпорации.

Важно, что Спифам ставит выборы под строгий контроль королевского правосудия. Выборы должны проводиться не там, где велит обычай (в церкви Сен-Жюлен ле Повр), но в Парижском Шатле — в присутствии генерального лейтенанта парижского прево (хранителя королевских привилегий университета), советников парижского президиального суда. Вынесенное решение будет считаться окончательным и не подлежащим апелляции, «учитывая скромность самого дела и короткий срок отправления указанных должностей»³³. Университетские магистры могут присутствовать на выборах, самым видным из них надлежит выделить те места, где обычно сидят адвокаты Шатле. Сержанты Шатле должны стоять по периметру, чтобы «умерять отчаянность дерзостных смутьянов и арестовывать их, если это будет приказано судьями»³⁴. Общим принципом, согласно Спифаму, является сменяемость должностных лиц — все университетские должности должны занимать не более одного раза.

В этом постановлении Спифам, сохраняя выборы в университете, помещает их под жесткий королевский контроль. Однако позже адвокат возвращается к этому вопросу в *двести десятом постановлении*. «Король, видя, что невозможно положить конец сговорам, склокам и стычкам, сопровождающим выборы ректора в Парижском университете, чем пользуются злонамеренные сеятели смуты среди студентов, заключает, что попытки навести порядок в выборах, проводя их перед лицом правосудия», не возымели успеха. В связи с этим система меняется полностью. Королю «нет иного средства противостоять беспорядку, как назначать вышеуказанного ректора в качестве обладателя постоянной должности»³⁵. Король будет выбирать достойную персону, «в достаточной мере богобоязненную и любящую образованность, способную поддержать добрых студентов на всех факультетах этого университета, чтобы они расцветали и побеждали пущи

³³ *Spifame R. Dicaearchiae...* Fol. 22.

³⁴ *Ibid.* Fol. 22v.

³⁵ *Ibid.* Fol. 274.

прежнего во славу Божию и для защиты нашей святой матери Церкви и побуждения добрых умов к еще большим добродетелям». Назначенному ректору предписывалось жить по три месяца в каждой коллегии; устанавливался круг его должностных обязанностей.

Следующие за *семнадцатым* и *двести десятым постановлениями*, в которых речь идет о преобразовании системы выборов ректора университета, соответственно, *восемнадцатое* и *двести одиннадцатое постановления* рассматривают аналогичные меры по реформированию выборов в парижский муниципалитет. Взгляды Спифама по обоим вопросам претерпевали схожую эволюцию.

Сначала предполагается изменить систему выборов в Париже, «чтобы избежать интриг, происков, монополий и склок, которые происходят на выборах купеческого прево и эшевенов города Парижа». Кандидаты не скупятся на подкуп, подарки и посулы, «что идет к великому ущербу для общего блага и общих денег указанной ратуши: ибо они делают это в надежде возместить себя с лихвой, когда будут отправлять указанные должности». При этом отстраняются самые богатые, самые известные буржуа, и «наименее здоровая часть народа преобладает над лучшей его частью»³⁶. По окончании полномочий должностные лица не могут отчитаться, долги переходят к их наследникам, растет общая задолженность муниципалитета.

В связи с этим «король» вносит изменения в порядок выборов. Купеческим прево Парижа может быть только уроженец города, имеющий опыт пребывания в должности эшевена, а до того — в должности квартального. Между отправлением должности эшевена и участием в выборах прево должно пройти не менее двух лет. Выборы следует проводить на конкурсной основе: «в соперничестве со многими эшевенами, претендующими на это превотство»³⁷. Новация заключается и в том, что «палата полиции» (особый королевский судебный орган, созданный фантазией Спифама для надзора за управлением города) заранее будет изучать предложенные кандидатуры: «и тот, кого найдут

³⁶ Ibid. Fol. 22v.

³⁷ *Spifame R. Dicaearchiae...* Fol. 23.

самым достойным, будет провозглашен избранным наиболее здоровой частью» горожан. Трудно сказать, сохраняются ли вообще выборы купеческого прево, избирает ли его «палата полиции» или только проверяет и утверждает результаты выборов. Но об эшевенах Спифам говорит более подробно: выборы «будут осуществляться по шарам для голосования в палате и в присутствии указанных судей полицейской палаты... тремя сотнями наиболее старых буржуа города». Их «древность» будет исчисляться со дня их свадьбы или от момента первого участия в налогообложении или в муниципальных займах. Но эти триста горожан избирают только одного эшевена из четырех. Через три дня уже другие триста выборщиков избирают второго эшевена. Новый корпус из шести сотен буржуа понадобится для выборов подобным образом двух новых эшевенов в следующем году. Перед каждыми выборами уточняются списки голосующих: умершие, заболевшие или отсутствующие по иным причинам горожане вычеркиваются из списков выборщиков и заменяются другими. Результаты выборов утверждают судьи первой инстанции (по-видимому, все та же «палата полиции»); предполагается, что предпочтение будет отдаваться тем кандидатам, которые представят наибольший залог. Спифам называет такую систему «баллотировкой на венецианский манер»³⁸. И, действительно, в Париже, таким образом, укрепляется устойчивый олигархический режим, доказавший свою надежность в «республике Св. Марка».

Но как и в случае с университетом, ужесточение королевского контроля за выборами кажется Спифаму недостаточным, и в *двести одиннадцатом постановлении* он радикально меняет правила. «Король желает прекратить гражданские войны, мятежи, заговоры, интриги и происки, происходящие в ратуше во время выборов купеческого прево и эшевенов...»³⁹, видя в этом причину упадка и разорения города. «Отныне должность купеческого прево становится постоянной, несменяемой и невыборной. Государь будет назначать на нее человека достойного, мудрого, благоразумного, любимого всеми, хорошо известного в городе. Он должен быть богатым, вне

³⁸ Ibid. Fol. 23v.

³⁹ Ibid. Fol. 275.

подозрений в стяжательстве, способным вести переговоры и иметь большой опыт работы в муниципалитете»⁴⁰.

Ежегодно, по мысли Спифама, муниципалитет будет пополняться двумя эшевенами: одного из них будет назначать король из числа безупречных кандидатов, а второго все-таки будут избирать в соответствии с уже установленной процедурой.

Купеческий прево и эшевены вместе с королевскими советниками войдут в «палату полиции» Парижа.

Помещенное немногим ранее *сто девяносто первое постановление*⁴¹ начинается с исторического экскурса. Автор рассказывает, как после мятежа в 1384 г. король полностью отменил муниципальное самоуправление в Париже — ликвидировал должности купеческого прево и эшевенов, которые были восстановлены лишь через пять лет. Никаких прямых выводов из этого рассказа не делается, в тексте постановления речь идет о форме и сроках предоставления отчетности прево и эшевенами, покидающими свои посты. Очевидно, что исторический пример призван был продемонстрировать права короля полностью менять распорядок работы муниципалитета.

ПОРЯДОК В ГОРОДЕ И КОРПОРАЦИИ

Муниципалитеты чрезвычайно важны для планов Спифама, на них возложено множество обязанностей: организация помощи бедным, финансирование задуманной «королем» реформы госпиталей, масштабное строительство новых мостов, набережных и портов, организация ночного освещения, очистка улиц и, конечно, расходы на укрепление обороны города.

В преамбуле *двести семьдесят второго постановления* Спифам приводит очередной исторический пример: 29 мая 1418 г. парижский эшевен Жан де Виллар, хранивший ключи от ворот, открыл их отрядам герцога Бургундского, после чего в Париже произошла страшная резня, были убиты коннетабль Бернард Арманьяк и канцлер Анри де Мерль. Чтобы

⁴⁰ Ibid. Fol. 275v.

⁴¹ Ibid. Fol. 249v.

избежать подобных эксцессов, «король» предписывал, чтобы ключи «по причине испорченности нравов» каждый вечер сдавались советникам Малого королевского совета⁴² в присутствии президентов «палаты полиции».

При этом именно жители Парижа — основная сила, способная поддерживать порядок и оборонять город. Об этом говорится в *двести девяносто первом постановлении*, где предписывается ускорить застройку пустующих районов города, чтобы люди чувствовали себя в безопасности благодаря соседской помощи. На концах вновь проложенных и застроенных улиц следует предусмотреть установку цепей, надежно перекрывающих путь врагам «к их полному смятению». «Даже если город осаждают 400 тысяч человек, можно будет обойтись и без укреплений⁴³, поскольку в населенном городе мужи служат лучшими стенами, а жены, вдохновленные мощью цепей, одни способны перебить большую армию»⁴⁴.

Муниципалитеты и городские сообщества нуждаются в строгом контроле, но без них невозможно обойтись.

Определенная роль в «Дикаэархии» отводится и приходским объединениям. Например, в *пятьдесят восьмом постановлении* Спифам решает превратить все городские храмы в приходские церкви⁴⁵. Это делается для того, чтобы избежать давки и толчеи в старых приходских церквях. Но перед «королем» стояла и более амбициозная задача — весь народ должен слушать хорошо подготовленные ученые проповеди по праздникам и наставления (*leçons*) по будням. Их на регулярной основе надлежит читать докторам теологии и канонического права. Тем самым автор «королевских постановлений» позаботился и о процветании университетов,

⁴² *Spifame R. Dicaearchiae...* Fol. 346.

⁴³ Хотя о городских укреплениях у Спифама говорится много, строительство и содержание стен и ворот являются главным условием получения городом привилегий. См.: *Ibid.* Fol. 79.

⁴⁴ *Ibid.* Fol. 359v. И вновь можно подивиться прозорливости Спифама. 12 мая 1588 г. в город будут введены швейцарские наемники для устрашения парижан. Встревоженные жители перекроют улицы цепями, а также большими винными бочками, набитыми землей. Женщины будут кидать в солдат черепицу. Армия окажется бессильной во время «дня баррикад».

⁴⁵ *Ibid.* Fol. 88–94

и об общей образованности. Как обычно, Спифам распоряжается и об оплате нововведений. Ее должны обеспечить церковные старосты, распорядители приходского имущества. Именно приходское имущество должно стать основой финансирования ученых проповедников. Если же средств у прихода будет недостаточно, надлежит произвести ревизию обитуариев — поминальных книг, в которые с давних пор заносились имена вкладчиков, оставивших доходы на вечный помин души. Из этих средств и следует выплачивать жалование лекторам-проповедникам, которые в начале и в конце своей проповеди будут устраивать коллективные моления за души давно усопших вкладчиков.

О ремесленных корпорациях Спифам упоминает редко. Они являются объектом преобразований (предписывается, например, объединить ремесло кровельщиков с ремеслом каменщиков), представителям некоторых ремесел предписывается перенести вредное производство за городскую черту. *Сто сорок седьмое постановление* посвящено корпорации мясников парижских боен. В преамбуле этого постановления в очередном историческом экскурсе Спифам вспоминает о том, как в 1411 г. в Париже начались волнения и мятежи, которые затем вспыхивали вновь и вновь к выгоде герцога Бургундского. Во главе смутьянов стояли парижские мясники под предводительством поставленного герцогом живодера Симона Кабоша. Затем без какого-либо логичного перехода в рассматриваемом постановлении объявляется о желании «короля» очистить город от зловонных отбросов живодерен и мясобоен, вечно угрожавших городу эпидемиями⁴⁶. Все бойни должны быть вынесены за черту города, ниже по течению Сены. Мясные лавки в Париже останутся, но торговать в них будут не мясники, а их жены. Причем они будут продавать мясо небольшими кусками — в лавках у них не должно быть больших разделочных ножей, «чтобы не принуждать жен к животной жестокости и дерзости, происходящей от обычая обходиться с мясом животных, который мог бы подтолкнуть их к зверству и жестокости по отношению к людям». Жестокость, считает Спифам, — оборотная

⁴⁶ “Le roy voulant purger sa ville de Paris des ordures et infections puanteaux et perilz de la boucherie & escorcherie... qui ont autrefois esté cause de grande pestillence” (*Spifame R. Dicæarchiae... Fol. 147*).

сторона данного ремесла, неизбежный профессиональный риск. Обезоруженные торговки мясом без разделочных ножей должны быть спокойнее и любезнее.

Городское пространство должно быть чистым и от вредных веществ, и от вредных социальных элементов, а для этого оно должно быть легкодоступным и открытым. Повествуя о проекте устройства сточных канав и путей для вывоза мусора, Спифам предписывает, что в городе не должно оставаться недоступных мест, где скапливался бы мусор — источник болезней. Но тупики необходимо соединить с проезжими улицами и по другой причине: «чтобы в случае бунта или мятежа и восстания все районы города и пригороды были бы легкодоступны, чтобы там не скрывались воры»⁴⁷.

Спифам в своих постановлениях совершенствует систему контроля за территорией города со стороны королевского правосудия. *Постановления с десятого по двенадцатое* направлены на то, чтобы накинуть более частую сеть судебных инстанций на большой и беспокойный город. Спифам разделяет Париж на полицейские округа, усиливает роль комиссаров полиции в парижских пригородах. И, наконец, обращается к низшему уровню парижского судопроизводства. В *семьдесят пятом постановлении* речь идет о контроле над «некоролевскими» и «вспомогательными» (*subalterne*) судебными органами, в частности городскими. Внимание Спифама привлекают их самые низовые ячейки на уровне парижских кварталов. К 1556 г. в Париже существовало 16 кварталов; в каждом из них был свой выборный квартальный (*quartenier*). Как мы помним, исполнение должности квартального было необходимо для того, чтобы претендовать на высшие должности в муниципалитете.

В каждом из кварталов Спифам вводит по две должности аудиторов (по гражданским и уголовным делам) с достаточным числом необходимого персонала, чтобы вершить в кварталах скорое правосудие, составлять первичные иски и вызывать в суд. При необходимости к этим чиновникам можно обратиться в любой час и днем и ночью, чтобы наложить арест на людей или на имущество. У каждого квартального аудитора и комиссара должны быть помощники (*adjoinct*) из числа буржуа данных кварталов, имеющие особые письма

⁴⁷ Ibid. Fol. 358v–359v.

в виде королевских патентов, заверенных парижским прево и зарегистрированных в Парижском Шатле. Эти помощники будут заседателями (ассессорами), исполняя роль заместителей указанных квартальных аудиторов.

Так на низовом уровне к поддержанию порядка привлекаются и жители кварталов. Правда, в изложении Спифама они получают свои функции не в силу избрания горожанами, а по воле короля, наделившего этих мелких городских чиновников полномочиями.

Итак, Спифам не доверял ни сословным собраниям, ни корпорациям, ни выборным городским властям. Но даже в рамках «абсолютистской утопии» королевская власть не могла контролировать население без помощи самоуправляющихся структур — кварталов, приходов, муниципалитета. В этом можно увидеть своеобразное «доказательство от противного» роли органов самоуправления при Старом порядке. Но если считать «Дикэархию» лабораторией абсолютизма, то Спифам демонстрирует путь, позволявший королевской власти присваивать авторитет старинных общинных традиций. Носители последних объявляются выразителями королевской воли и действуют по велению короля, который, таким образом, становится источником этих незапамятных прав.

В историографии одну из причин кризиса французской государственности в эпоху Религиозных войн многие видят в реакции традиционных структур общества на чрезмерно быстрое усиление центральной власти при двух первых королях из династии Валуа—Ангулемов. Вдохновленный ими, подражатель Рауль Спифам забежал намного дальше. Однако при всем рвении Спифама в его «бюрократической утопии» все же остается место для традиционных саморегулирующихся структур. Он говорит о них нехотя, но совсем не упоминать не может. В этих базовых структурах, по мнению нашего адвоката, тоже хорошо было бы усилить роль королевского управления, например, ввести должности королевских финансовых чиновников для контроля над приходскими кассами, как это попытается сделать Генрих III. Но полностью уничтожить эти структуры не только практики, но и теоретики абсолютизма не могут, да и не хотят. И в описании прошлого, и в проектируемом будущем саморегулирующиеся структуры постоянно присутствуют, пусть и на заднем плане исторической сцены.

III. АНТУАН ЛУАЗЕЛЬ

Адвокат Антуан Луазель (1536–1617) уже знаком нам как друг Этьена Паскье. В своей речи о Парижском университете на процессе 1587 г. Паскье удачно использовал его идеи. Луазель прославился как знаток кутюмного права, его трактаты и сборники речей неоднократно переиздавались. Имя своего друга Луазель поместил в названии небольшого сочинения «Паскье, или Диалог адвокатов Парижского парламента»⁴⁸, составленного в стиле диалога Цицерона «Брут, или О знаменитых ораторах».

Появлению этого текста предшествовали следующие события.

10 мая 1602 г. дисциплинарная комиссия Парламента предписала строго исполнять статью 161 королевского ордонанса, изданного в Блуа в 1579 г. Согласно этой, зафиксированной ордонансом, но не исполняемой норме, адвокаты и прокуроры в конце каждого документа, составленного ими для клиентов, должны были указывать точную сумму, полученную в виде оплаты. Тех, кто не выполнял данного требования, следовало вычеркнуть из списков парламента и лишить права на адвокатскую практику. Инициатором этого постановления был Генрих IV, которому пожаловались на непомерные гонорары парижских адвокатов.

Вскоре 307 адвокатов, собравшихся в зале Консультаций, единогласно постановили отказаться от работы на таких условиях. Во главе со своим старостой (*bâtonnier*) Николя Дю Амелем они попарно входили в секретариат курии, сдавали свои колпаки и заявляли, что оставят профессию адвоката, дабы сохранить свою честь. С 21 мая деятельность парламента была парализована. Через две недели, 4 июня, в парламент поступило письмо короля, отложившее выполнение 161-й статьи ордонанса Блуа вплоть до особого распоряжения.

⁴⁸ Здесь и далее приводятся цитаты по изд.: *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats du Parlement de Paris / Éd. par A. Dupin. Paris, 1844.* «Диалог...» впервые был опубликован после смерти Луазеля в изд.: *Loisel A. Divers opuscules tirez des memoires de M. Antoine Loisel. Paris, 1659.* Это сочинение переведено на русский язык В.Ф. и Е.Ю. Бухарковыми и включено в антологию: *Профессия адвоката: Сборник работ о французской адвокатуре / Сост. А.В. Поляков. М., 2006. С. 62–142.*

Особого распоряжения так и не последовало. „Стачка” адвокатов увенчалась успехом.

Действие «Диалога адвокатов...» происходит в конце мая 1602 г., когда молодые и старые адвокаты Парижского парламента, пользуясь вынужденным досугом, вели домашние беседы о судьбах их «сословия» (*ordo*). Среди старших участников — сам Антуан Луазель, ведущий повествование от первого лица, Франсуа Питу и Этьен Паскье, который к тому времени занял должность королевского адвоката Палаты счетов, но имел полувековой стаж адвокатуры. Молодежь представлена двумя сыновьями и племянником Луазеля и двумя сыновьями Паскье. Обменявшись мнениями о причинах сложившейся ситуации, адвокаты обращаются к Паскье — не только старейшему адвокату, но и автору «Разысканий о Франции» — с просьбой поделиться знаниями по истории парижской адвокатуры (*barreau*⁴⁹). Паскье соглашается, но при условии, что не будет говорить о ныне живущих адвокатах. Его рассказ охватывает период с древнейших времен до конца XVI в. дополняемый репликами слушателей, он растягивается на три дня. Композиция повествования проста: Паскье и его собеседники одного за другим вспоминают своих предшественников, наделяя их краткими характеристиками. Порой, отталкиваясь от конкретных примеров, рассказчики пускаются в пространные рассуждения об особенностях адвокатской профессии. Понятно, что число упомянутых адвокатов (всего названо около двух сотен имен) стремительно нарастает к концу повествования. Весь последний день Паскье и его собеседники говорят только о тех адвокатах, кого они знали лично.

Луазель не выступал в роли стенографиста, но реплики «Диалога адвокатов...» выстроены вполне правдоподобно, с намеком на психологическую достоверность (молодые склонны громко возмущаться, старшие более рассудительны). В центре сочинения — судьба адвокатов Парижского парламента, рассмотренных в качестве особого *ordo* — «сословия», «чина».

⁴⁹ Термин «*barreau*» переводится словарями как «адвокатура», что верно лишь отчасти, хотя бы потому, что этим словом обозначали иногда и прокуроров. Первое значение этого слова — «барьер» (в виде перил с балясинами), за которым располагались скамьи адвокатов и прокуроров.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
«ДИАЛОГА АДВОКАТОВ...»

Принадлежит ли *ordo advocatorum* к тем городским саморегулирующимся сообществам, которым посвящена наша книга?

Адвокаты Парижского парламента совместно с прокурарами образовывали братство Св. Николая. Каждый год 9 мая они устраивали в честь своего святого покровителя торжественную процессию, во главе которой шел староста — *батонье* (жезлоносец), он нес жезл или хоругвь Св. Николая. После прохождения процессии устраивался торжественный обед, и не явившимся на него грозили строгие кары. Братство имело свою кассу для организации церковных служб в честь святого-покровителя и свой «ящик для бедных»⁵⁰. Группа ориентировалась на постоянное взаимодействие: критерием успеха адвоката была репутация, основанная на мнении коллег. При этом парижские адвокаты вовсе не были так называемым безмолвствующим большинством. Некоторые члены этого сообщества писали трактаты юридического, политического и историко-литературного характера, многие публиковали свои судебные речи, большинство адвокатов даже в своих нотариальных актах (завещаниях, брачных контрактах, дарениях и др.) проявляли особое красноречие. Таким образом, источников для изучения их профессионального самосознания достаточно.

Но адвокаты не приносили взаимной присяги, не обладали юридическим лицом, у них не было своего устава, и даже внешние границы их общности очертить было непросто. В социально-культурном отношении они не слишком отличались от магистратов — владельцев судебных должностей — и до поры не противопоставляли себя им. Однако в конце XVI — начале XVII в. обстоятельства сложились так, что адвокаты были вынуждены всерьез задуматься о своем самоопределении, о своем месте в обществе.

«Стачка» адвокатов и текст сочинения Луазеля «Диалог адвокатов...» были в свое время подвергнуты анализу в работе

⁵⁰ Delachenal R. Histoire des avocats au Parlement de Paris, 1300–1600. Paris, 1885. P. 42–50.

Мириам Ярдени⁵¹. Будучи близка ко входившей тогда в силу «новой социальной истории», израильская исследовательница интерпретировала и сочинение Луазеля, и саму «стачку» как результат внезапного осознания адвокатами итогов процесса «большой длительности». Долгое время адвокатура была основным путем продвижения к судебским должностям. Чтобы занять должность советника парламента, королевского адвоката, королевского прокурора или президента одной из палат, требовалось не только юридическое образование, подкрепленное ученой степенью, но и адвокатский стаж. Адвокаты ежедневно посещали Дворец⁵², присутствовали на судебных заседаниях, обсуждали речи коллег, обменивались мнениями по вопросам процедуры и юриспруденции. В идеале успехи адвоката должны были обратить на него внимание монарха, и тот мог выбрать именно его на должность королевского прокурора или одного из королевских адвокатов. В любом случае, зарекомендовав себя выступлениями в суде или прославившись составлением ученых консультаций, адвокат рассчитывал на проникновение в мир должностных лиц — *officiers*, стать судьей либо в одной из палат парламента, либо в другой суверенной курии в столице, в крайнем случае в провинции. Кто-то так и оставался всю жизнь адвокатом, но до поры до времени это не рассматривалось как карьерный провал. При этом практика продажи должностей существовала давно. Все понимали, что должности либо получались в обмен на «ссуду», адресованную королю, либо отчуждались («резигнировались») — передавались по наследству или покупались у прежнего владельца⁵³. Однако об этом в парламентской среде предпочитали не говорить.

⁵¹ Yardeni M. L'Ordre des avocats et la grève du barreau Parisien en 1602 // *Revue d'histoire économique et sociale*. 1966. Vol. IV. P. 481–507. Позже текст этой статьи был включен автором в разные сборники, например: Yardeni M. *Enquêtes sur l'identité de la "Nation France" de la Renaissance aux Lumières*. Paris, 2004. P. 195–217.

⁵² Мы сегодня назвали бы его Дворцом правосудия, но для судебных эпохи позднего Средневековья он, по-видимому, оставался еще королевским дворцом.

⁵³ Алтухова Н.И. Продажа должностей во Франции в свете «Инвентаря квитанций на должности» 1578 г. // *Средние века*. 2008. Вып. 69 (2). С. 59–76.

До самого конца XVI в. новоиспеченный судья приносил присягу, в которой, помимо прочего, клялся в том, что не приобретал свою должность за деньги. Такой же «фигурой умолчания» оставались размеры гонораров адвокатов и прокуроров, хотя алчность судейских являлась давним сюжетом сатирических произведений. Напротив, сами адвокаты склонны были подчеркивать публичный характер своей деятельности. И в идеале, как считал, например, королевский адвокат Ги Фур де Пибрак, адвокатам стоило бы назначать государственное жалованье.

В XVI в. магистраты и адвокаты еще составляли единую социальную среду, связанную семейными узами, общностью культуры, образом жизни⁵⁴. Тем более нелицеприятной стала открывшаяся истина: чтобы стать советником парламента, надо было либо приходиться владельцу должности сыном (племянником, зятем), либо быть настолько богатым, чтобы приобрести вакантную должность. Адвокатский стаж, который раньше был хоть и недостаточным, но все же необходимым атрибутом карьерного роста, превратился в пустую формальность.

Важным рубежом стал 1596 год, когда из текста клятвы при вступлении советника в должность были изъяты слова о том, что он не приобретал ее за деньги⁵⁵. Судьи на глазах становились «дворянством мантии», а адвокаты приближались к миру «механических профессий», к обслуживающему персоналу. Злополучное постановление 1602 г. потому и вызвало столь бурную реакцию, что затрагивало болезненный для адвокатов вопрос оплаты, сразу же переосмысленный как вопрос чести.

Антуан Луазель-младший с возмущением заявил, что уже многие из его товарищей твердо решили оставить адвокатуру, «откуда полностью изгнана честь. Разве это не позор, что нас принуждают поступать подобно сержантам, которые обязаны в своих отчетах (*exploicts*) ставить сумму, полученную

⁵⁴ Особый социально-культурный облик этой группы в свое время был удачно показан в работе Дж. Хупперта. См.: *Huppert G. Les bourgeois gentilshommes. An Essay on the Definition of Elites in Renaissance France. Chicago, 1977.*

⁵⁵ *Falconnet A. Essai sur le barreau grec, romain et françois et sur les moyens de donner du lustre à ce dernier. Paris, 1773. P. 190.*

ими от участников процесса в виде платы (*salaire*), размеры которой определены ордонансами? Поскольку наша плата не ограничена... было бы стыдно не только писать, но даже говорить о ней. Размеры вознаграждения зависят у нас исключительно от щедрости сторон». Теперь же, по словам молодого адвоката, «судья-инспектор» (*rapporteur*) будет вызывать нас к себе в кабинет, чтобы присудить к возврату одного или двух экю, которые клиенты дадут сверх положенного. Лучше вообще не ходить во Дворец, чем терпеть такой позор⁵⁶. Дело было, конечно, не только в деньгах. Луазель-младший продолжает: «Где та честь, которой, как я слышал от вас, отец, мы были некогда окружены во Дворце, и где та благорасположенность, которую господа президенты в ваше время питали по отношению к молодым адвокатам, терпеливо выслушивая их, прощая им их ошибки и ободряя их поступать лучше? Теперь же им кажется, что мы по сравнению с ними сделаны из другого теста или из другой материи (*d'autre bois ou estoffe*) и что мы едва ли не полные ничтожества (*et quasi gens de néant*); нас прерывают и осаживают в любом месте, постоянно делают нам неуместные замечания». Более того, это делается по отношению не только к молодежи, но и к опытным адвокатам, которые иногда лучше судей разбирались в сути дела. «Нет, отец мой, нечего и надеяться на сохранение достоинства, которое прежде было у адвокатского сословия, во всяком случае, до тех пор, пока не отменяют это пресловутое постановление»⁵⁷.

Несмотря на то что адвокаты добились отмены постановления, их положение продолжало ухудшаться. Изменение социальной конъюнктуры неминуемо вело к существенному снижению (*avilissement*) адвокатского статуса в эпоху Старого порядка. Интерпретация причин появления «Диалога адвокатов...», предложенная М. Ярдени полвека назад, не устарела. В XVII–XVIII вв. за адвокатами прочно закрепляется приставка «мэтр», указывающая на их принадлежность к миру городских профессионалов, а адвокатский почетный эпитет «благородный человек» (*noble homme*), бывший в такой чести в XV–XVI вв., станет для кольберовских комиссий

⁵⁶ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 3.

⁵⁷ Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 4.

по «проверке дворянства» достаточным основанием для того, чтобы отрицать претензии потомков адвокатов на дворянский статус⁵⁸.

И все-таки трактовка М. Ярдени нуждается в уточнении. «Диалог адвокатов...» не только, а может быть, и не столько отражал интересы адвокатов как социальной группы, сколько конструировал идентичность этой группы. Строго говоря, существование *ordo advocatorum* именно как особой социальной группы вначале было неочевидно. Паскье, предприняв исторические разыскания, столкнулся с явными трудностями: адвокатов в старых текстах было много, но критерии, позволявшие отделить «своих» от «чужих», отсутствовали. Адвокаты не пытались обосновать свой особый статус по отношению к прочим судебским.

Историки так и не могут определить численность адвокатов. В единственном из дошедших до нас парламентских матрикулов 1524 г. записано 95 имен адвокатов. В «стачке» 1602 г., как мы знаем, приняли участие 307 адвокатов (причем, возможно, не все присоединились к этому демаршу). Самым длинным был список адвокатов 1562 г., когда в связи с началом Религиозных войн от всех судебных потребовалась присяга на верность католическому Символу веры. Среди присягнувших упомянуты 403 адвоката. Однако и этот список не полон — помимо неявившихся явных или тайных сторонников гугенотов, многие отсутствовали по непонятным причинам. Нет в этом списке, кстати, ни Этьена Паскье, ни Антуана Луазеля.

При этом сложно было и очертить внешние границы группы: часть адвокатов регулярно записывались в матрикулы парламента, активно выступали на процессах, часть выжидали, пока освободится место, часть просто числились адвокатами, приискивая себе основные заработки на стороне. Одни славились как ораторы, другие составляли развернутые ученые консультации, третьи негласно давали

⁵⁸ Croq L. Hiérarchie et mobilité collective dans la société Parisienne du XVIIe siècle // Dire et vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime / Textes réunis par F. Cosandey. Paris, 2005. P. 151; Уваров П. Ю. Старый порядок социальных именовании во французских нотариальных актах: нобилитет и нотабли // Средние века. 2008. Вып. 69 (1). С. 66–67.

практические советы клиентам. И, наконец, получив должность, некоторые продолжали вести дела в качестве адвокатов и, что важнее, продолжали участвовать в неизменных адвокатских пересудах во Дворце правосудия.

В речах и текстах адвокатов XVI в. часто подчеркивался их высокий статус и особая роль в обществе, но осознавали ли они себя отдельной группой, противостоящей «чужим» и «другим»?

В ПОИСКАХ ПРЕДКОВ

Участники «Диалога адвокатов...» прежде всего попытались определить пункт отсчета истории адвокатов Парижского парламента, найти фигуру их «отца-основателя», столь важную для коллективной памяти любой группы. Паскье как историк, владеющий критическим мышлением, одну за другой отбрасывает возможности поиска «предков» у галлов, древних германцев, во времена Меровингов, Каролингов и первых Капетингов. Эпоха Филиппа II Августа (1179–1223) и, в особенности Людовика IX Святого (1226–1270) вызывает у участников «Диалога адвокатов...» больше внимания, но, хотя сам термин «адвокаты» встречается в хрониках того времени, адвокаты начала XVII в. отказываются считать их своими прямыми предшественниками. Резонно связав расцвет адвокатуры с упадком судебных поединков и прочих ордалий, собеседники приходят к выводу, что ключевым моментом является фиксация парламента в Париже, в королевском дворце, ставшим отныне Дворцом правосудия. Важнейшим моментом служит также составление первых регламентов парламентской курии. Поэтому время от Филиппа IV Красивого (1285–1314) до Филиппа VI Валуа (1328–1350) рассматривается с большой дотошностью. Автор устами Паскье характеризует знаменитых легистов начала XIV в. — Рауля де Преля, Гийома Ногаре, Пьера Дюбуа. Они были юристами, иногда исполняли функции адвокатов, но не были адвокатами парламента.

Первым, кого можно считать таковым, был, по мнению Луазеля, высказанному устами Паскье, — Пьер де Гиньер, который служил королю Филиппу Валуа «для защиты прав короля и баронов от посягательств духовенства». Чтобы

удревнить время начала деятельности «адвоката-предка», связав его с героической эпохой борьбы Филиппа Красивого против Рима, в «Диалоге адвокатов...» делается смелое допущение, что Пьер де Гиньер еще в молодости помогал Пьеру Дюбуа составить ответ на буллу папы Бонифация VIII. В тексте королевского ответа папе «*Sciat fatuitas tua ge*». Луазель находит ряд стилистических особенностей, свойственных позднейшим речам де Гиньера. В итоге Паскье заключает: «Его можно назвать первым знаменитым адвокатом, начав с него мой рассказ»⁵⁹.

Однако не все готовы принять именно эту отправную точку. Племянник Луазеля крайне удивлен: «Не тот ли это Пьер де Гюнье (!), чье изображение в виде смешного человечка выставлено в углу за хорами церкви Нотр-Дам, перед которыми простые женщины и маленькие дети ставят свечи, чтобы в насмешку подпалить ему нос? Поистине вы оказываете нам великую честь, желая начать разговор об адвокатах курии с такого молодца!»⁶⁰

Паскье отвечает с большой энергией, полемически заостря обоснование своего выбора: «Что вы говорите? Это был один из самых доблестных и самых мудрых персонажей, когда-либо рожденных Францией... Он первым осмелился встать на защиту прав короля и баронов королевства против происков и узурпаций, чинимых церковниками...»⁶¹

Этот выбор был не свободен от политической ангажированности. Вспомним, что Генрих IV обусловил замирение страны полным забвением недавнего прошлого. Между тем

⁵⁹ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 21–22.*

⁶⁰ “Par un tel galand” (*Ibid.* P. 22). Человек, осмелившийся бросить вызов прерогативам Церкви, действительно «в отместку» был изображен в соборе Нотр-Дам в виде комической фигурки с длинным носом, о который гасили свечи и факелы. Об этой практике «вечного посрамления» писал Франсуа Рабле в четвертой книге «Гаргантюа и Пантагрюэля». См.: *Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с фр. Н.М. Любимова. М., 1973. С. 442.*

⁶¹ “Comme estant celuy qui le premier s'en hardit d'entreprendre la defanse des droicts du roy et les barons du royaume contre les entrepris et usurpations que faisoient les ecclessesctiques sur les subjets, par tant d'inventions des citations, monitions, censures et excommunications” (*Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 22.*)

скрытая борьба продолжалась, «дух Лиги» был достаточно силен, имелись у него приверженцы и в парламентских кругах. Выбрав именно Пьера де Гиньера патроном адвокатов, участники «Диалога адвокатов...» играли на чувствах парламентского галликанизма, не вступая при этом в открытую полемику.

Но Паскье был готов предложить и иную кандидатуру — Ги Фуко, ставшего папой Климентом IV (1265–1268). Возможно, «было бы еще большей честью иметь главой того, кто поднялся до высшей степени в Христианском мире»⁶².

Трудно сказать, насколько искренен был Паскье. Ги Фуко действительно был юристом, советником Людовика Святого и затем, став понтификом, оставался дружественен Французскому королевству. Однако с учетом последовательного галликанизма Паскье и его собеседников можно предположить, что в выдвижении папы Климента IV на роль родоначальника адвокатов Парижского парламента содержалась некая ирония. К тому же Паскье вполне обоснованно доказывал, почему о «настоящих» адвокатах можно говорить не ранее XIV столетия.

Луазель-старший предъявил адвокатам еще одну кандидатуру: «Не забыли ли мы патрона адвокатов, который жил во времена Филиппа Красивого, святого Ива?»⁶³ Луазель говорил об Иве Элори де Кермартене (1253–1303), канонизированном в 1347 г. Уроженец Бретани, он обучался праву в Париже и Орлеане, стал затем главой церковного суда в городе Третье, где «прославился справедливостью, неподкупностью и милосердием... В ряде случаев он выступал адвокатом по искам бедняков против церковных и светских должностных лиц»⁶⁴. Сразу же после канонизации в Париже было основано братство Св. Ива, объединявшее бретонских студентов. Святой считался покровителем Бретани и патроном адвокатов Парижского Шатле, его культ был распространен и среди провинциальных адвокатов⁶⁵. Поэтому резкий ответ

⁶² Ibid. P. 26.

⁶³ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats...* P. 31.

⁶⁴ *Королев А.А. Ив, святой католической Церкви // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 631–634.*

⁶⁵ *Delachenal R. Histoire des avocats...* P. 45–50.

Паскье: «Он не наш, но бретонец» — мог трактоваться не только как свидетельство этнополитической принадлежности (ко времени «Диалога адвокатов...» Бретань давно и прочно вошла в состав Французского королевства), но и как демонстрация отличия парламентских адвокатов, входивших в братство Св. Николая, от всех прочих, чтивших св. Ива.

Однако Луазель приводит интересное возражение: св. Ив в качестве адвоката вдов, сирот и прочих отверженных вел их дела не только в церковных судах и не только в Бретани, но также и в бальяжах, входящих в судебный округ Парижского парламента, доводя апелляционные процессы до парламентской курии. Целых три страницы Луазель посвящает разбору случая из адвокатской практики святого и в конце делаает вывод: «Разве не заслуживает эта история того, чтобы быть здесь рассказанной и чтобы включить канонизированного св. Ива в число наших адвокатов?»⁶⁶

Возражений не последовало. Собеседники, возможно, не очень верили в чудеса святого, но адвокатское мастерство бретонского коллеги пришлось им по душе. Пропагандируя культ этого святого, Луазель уловил запросы своей среды — вскоре св. Ив станет покровителем всех адвокатов, а о росте его популярности будут свидетельствовать переиздания его житий⁶⁷.

Таким образом, «Диалог адвокатов...» давал коллегам возможность выбрать любого из трех «капитанов»: святого, папу римского и убежденного борца с папским произволом, пусть и оклеветанного церковниками. В любом случае у парижских адвокатов объявились такие родоначальники, которыми можно было гордиться.

ГЕРОИ И ЗЛОДЕИ

Помимо «отцов-основателей», образцом для подражания был назван Жан Жювенель дез Юрсен. Ни о ком в «Диалоге

⁶⁶ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 34.*

⁶⁷ *Surius L., Le Masson J.-B., Marchand C. La vie de Saint Yves escrite par trois divers auteurs avec son pourtraict tel qu'il est au portail de son église à Paris. Paris, 1618; см. также перевод с бретонского: Vie de St. Yves = Buhez sant Eusen / Trad. P. de la Haye. Morlaix, 1623.*

адвокатов...» не упоминается так много: в разных контекстах о нем говорится на двенадцати страницах⁶⁸. Несмотря на все его многочисленные должности — от главы парижского муниципалитета до канцлера дофина (будущего Карла VII), для собеседников он был в первую очередь их коллегой. «Господа, разве не может вселить в нас смелость Жан Жювенель: простой адвокат парламента, он достиг таких почестей и столь важных должностей и в памяти потомков так прославил свое имя, что адвокатский статус благодаря ему навсегда стал достойным уважения?»⁶⁹.

Подробный рассказ о карьере дез Юрсена, — помимо прочего, основателя прославленного рода (его сын станет канцлером и пэром Франции), — ведет к утверждению стоического идеала адвоката: человека, уверенного в своей правоте, способного переносить удары Фортуны, отстаивая правое дело. В жизни дез Юрсена бывали и клеветнические обвинения, и репрессии. Помимо потери всего своего немалого имущества в Париже, когда город был захвачен бургиньонами, он лишился и должности «канцлера господина Дофина, которому служил слишком хорошо, отказавшись поставить печать на грамоты, содержавшие слишком щедрые дарения. Но он переносил потери и невзгоды с той же силой духа, которую он продемонстрировал тогда, когда мгновенно собрал четыреста или пятьсот лошадей в Париже, чтобы помешать герцогу Бургундскому увести короля с собой»⁷⁰.

Отметим несколько неожиданное качество «идеального адвоката» — способность защищать благо государства не только словом, но и делом, как и доблестный защитник королевства Пьер де Гиньер. Можно найти и другие примеры адвокатской доблести: «Во время Варфоломеевской ночи адвокат Таверни, исповедовавший реформированную религию, был убит. Полагают, что никто не защищался столь доблестно, как он. Запершись и забаррикадировавшись в своем доме, он и его клерк выстрелами из аркебуз сумели уложить многих, прежде чем погибли сами, и в том он показал себя достойным звания, которое носил, поскольку был генеральным

⁶⁸ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 50–62.*

⁶⁹ *Ibid. P. 60.*

⁷⁰ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 61–62.*

лейтенантом коннетабльского и маршалльского правосудия Франции, хотя и не переставал вести дела во Дворце»⁷¹.

Не было ли в этих и других «проговорах» некоего подспудного стремления подчеркнуть равенство людей мантии, людей закона с «истинным» дворянством, дворянством шпаги?

Для молодых участников «Диалога адвокатов...» казус дез Юрсена стал поводом для очередной серии жалоб: «Не следует более ждать, что выбирать будут таких людей и что именно так будет идти продвижение по службе, — возражал младший сын Паскье, — по крайней мере до тех пор, пока будет продолжаться продажа должностей и должности будут дорожать, а вы видите, что все это разрастается день ото дня»⁷². Антуан Луазель-младший также смотрел на жизнь трезво: «Мы живем ныне не в то время, когда людей выбирали бы в соответствии с их заслугами и добродетелями. Ныне надо, чтобы они продвигались на должности сами, при помощи денег. Иначе они так и будут прозябать в пыли Дворца»⁷³. Но есть и иное мнение. Младший сын Луазеля, Ги, заявил, что почти жалеет, что стал советником, «ведь останься я простым адвокатом... больше бы служил общему благу (*plus servy au public*), чем обладая моей должностью»⁷⁴.

Термин «*publique*» любопытен в данном контексте, ведь традиционно именно советники считались блюстителями общественных интересов⁷⁵, адвокатуре же отводилась роль защитницы интересов частных лиц, если только речь не шла о королевских адвокатах.

⁷¹ “car il estoit aussi lieutenant général de la connestablie et mareschaussé de France” (Ibid. P. 114). Так назывался суд, ведавший обеспечением безопасности в сельской местности и на дорогах (предшественник современной французской жандармерии), борьбой с дезертирами и мародерами. Представители «маршалльского» правосудия считались «судьями короткой робы», т.е. не столько гражданскими, сколько военными судьями.

⁷² Ibid. P. 60.

⁷³ «...Autrement ils croupiront en la poussière du palais» (Ibidem).

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV вв. М., 2012. С. 512–558.

Старшие, в особенности Паскье, разделяют подход Ги Луазеля, апологизируя адвокатское бескорыстие. «Надо лелеять добродетель ради нее самой, хотя часто это сопровождается событиями, которые мнение черни сочтет злой судьбой. Ведь невиновность и добродетельная жизнь становятся известны всем и, в особенности, Богу, Который и есть справедливый судия наших поступков»⁷⁶.

Примечательно, что в образе «идеального адвоката» часто присутствуют мученические мотивы, образцовый адвокат готов страдать, исполняя свой долг, отстаивая общественные интересы. Статую Пьера де Гиньера прижигают нос свечкой, Жювенель дез Юрсен лишился имущества, многие расстанутся с жизнью. Паскье знакомит своих собеседников с настоящим мартирологом адвокатов и судей, погибших во время парижских мятежей Этьена Марселя, кабошьенов, арманьякской резни 1418 г. и, конечно же, во время Варфоломеевской ночи. Но угроза может исходить не только от черни. Жан Десмар, имевший множество заслуг и поднявший свой голос в защиту королевских интересов во время малолетства Карла VI, «выступал так смело, что герцоги Анжуйский, Берри и Бургундский, почувствовав себя задетыми, сумели организовать против него процесс... и обезглавили его на Рынке»⁷⁷.

Уважение у беседующих адвокатов вызывают и те их коллеги, кто осмелился противостоять воле Людовика XI, желавшего отменить Прагматическую санкцию, и те, кто протестовал против регистрации Болонского конкордата в 1518 г. Тогда отличился адвокат Жан Бушар, который, отстаивая интересы Галликанской церкви и Парижского университета, «произнес свою речь столь смело, что был заключен в тюрьму Лувра, снискав великий почет, который его потомки ощущают по сей день»⁷⁸.

Но главный герой, чей образ завершает «Диалог адвокатов...» композиционно и логически, — это Барнабе Брисон,

⁷⁶ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 63.*

⁷⁷ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 46–47.*

⁷⁸ *Ibid. P. 67–68.* Отметим еще раз галликанские симпатии Паскье и Луазеля — в первую очередь достойны похвалы те, кто отстаивал независимость Галликанской церкви и университета от Рима.

талантливый адвокат, ставший первым президентом Парижского парламента и казненный рьяными лигёрами в 1591 г.⁷⁹ Обычно сдержанный Паскье бросает яростную инвективу убийцам Брисона: «Палачи-заговорщики, вы были столь варварски жестоки, что подняли руку на священную особу (*la personne sacrée*) президента курии, светоч знания и образованности во Франции, жемчужину и украшение Европы, человека, обладавшего удивительной памятью, имевшего всегда верное суждение обо всех вещах, кроме той, которая привела его к его несчастью»⁸⁰.

Наличие пантеона образцовых адвокатов позволяет ожидать симметричного расположения сонма антигероев. Но симметрии не получается. Зло, как правило, исходит извне — от мятежников, вождей аристократических группировок. Безоговорочному осуждению подлежат лишь те из судейских, кто, преследуя своекорыстные цели, вступил в сговор с этими силами. «Адвокат Ролен, став канцлером герцога Бургундского, захватил себе столько добра, что его хозяин вынужден был сказать: «это уж слишком, Ролен»... Тот же самый Ролен повелел построить прекрасный госпиталь в Боне, который, по справедливому суду Божию, служит теперь пристанищем некоторым из его потомков, ввапших в нужду и великую бедность»⁸¹.

Пространный портрет Ролена по своей цельности напоминает его же портреты кисти Яна ван Эйка и Рогира ван дер Вейдена, но этот «злодей» остается в «Диалоге адвокатов...» одинокой фигурой из давнего прошлого. Остальные же адвокаты, чьи имена называются в ходе беседы, имеют разные недостатки — у кого-то их больше, у кого-то меньше, но они никак не выглядят совершенными негодяями.

⁷⁹ О гибели Брисона см.: *Barnavi E., Descimon R. La Sainte-Ligue, le juge et la potence. L'assassinat du president Brisson (15 novembre 1591).* Paris, 1985.

⁸⁰ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats...* P. 138. Паскье намекает на роковой выбор Барнабе Брисона, решившего, что долг предписывает ему остаться в парижском парламенте, и не бежавшего в Тур к королю (подобно самому Паскье).

⁸¹ *Ibid.* P. 56. Мерилом адвокатского успеха Паскье и Луазель видят в хорошем продолжении рода. Антигерою же успешного потомства не полагается.

Любопытно, что Паскье и Луазель, решительно осуждавшие расправы над судейскими во время Варфоломеевской ночи и разгула Католической лиги, не выводят в качестве «показательных злодеев» ни радикальных католиков, ни лигёров из числа адвокатов, каковых имелось немало. Это могло объясняться как политическими соображениями, так и тем, что главной целью «Диалога адвокатов...» была консолидация всех адвокатов перед лицом общих трудностей.

КАРЬЕРЫ АДВОКАТОВ

Один из основателей Парижской лиги, Антуан Отман, оценивается Луазелем очень высоко: «Этот достойный человек происходил из знатной семьи, был сыном известного советника парламента и братом юрисконсульта, прославившегося своими сочинениями»⁸². По словам Луазеля, когда Отман сидел в зале молча, он походил на Силена, но, когда он брал слово, все бывали очарованы его красноречием. Он умер от легочной болезни (в 1596 г.), «и, предчувствуя смерть, нашел в себе силы посетить и попрощаться со своими товарищами (*compagnons*). Для меня было большой честью, что он пришел ко мне незадолго перед кончиной»⁸³.

Согласно Паскье, великолепным знатоком процессуального дела был рьяный католик-лигёр Пьер Версорис, способный найти выход из любой запутанной ситуации. Когда он консультировал не на дому, а во Дворце и принимал в Малом зале, то в Большом зале адвокаты, желавшие посоветоваться с ним, образовывали целую толпу. Большая слава пришла к нему в последние годы жизни, но и в молодости к нему обращались часто. Его, обладавшего красноречием и знакомого со всеми тонкостями законов, приглашали вести многие важные дела. Паскье вспоминает, как Версорис выступал в парламенте на стороне иезуитов-ответчиков, а сам Паскье

⁸² Ibid. P. 136. Речь идет о Франсуа Отмане — яром гугеноте, авторе самых известных тираноборческих трактатов. Характерно, что и об этом Луазель предпочитает умалчивать, равно как и о том, что их отец, Пьер Отман был одним из самых яростных гонителей протестантов.

⁸³ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 137.*

защищал тогда интересы истца — Парижского университета. Для карьеры Паскье этот процесс 1564 г. был один из самых важных, но адвокат воздаёт должное своему оппоненту (который, кстати сказать, формально одержал победу в тот раз), предлагая ознакомиться с печатными текстами их речей. Единственным недостатком Версориса было то, что звук «а» он произносил, как «е», и наоборот. Паскье делает общий вывод: «Это был великий адвокат, который страстно вставал на сторону своих клиентов, прежде всего Гизов, чьим главным советником он был, и в итоге он скончался от горя через 4 или 5 часов после того, как узнал о том, что герцог де Гиз был убит в Блуа»⁸⁴.

Среди лигёров были и недостойные адвокаты, но они осуждаются в «Диалоге адвокатов...» вовсе не за свои религиозно-политические взгляды.

Если говорить о нареканиях, то чаще всего в сочинении Антуана Луазеля критикуются пути продвижения адвокатов в мир чиновников: «Сейчас часто бывает, что из посредственного адвоката получается хороший советник»⁸⁵. Вот, например, адвокат Аймон Бушра. «Многие полагали, что он не обладал ни красноречием, ни достаточными знаниями, чтобы рекомендовать его на должность королевского адвоката», но он хорошо знал рутину делопроизводства Дворца, а также входил «в круг советников дома Гизов, каковые, войдя в силу, захотели сделать королевским адвокатом своего человека»⁸⁶.

Паскье часто пишет, что получение судейской должности зависит от протекции сильных мира сего. Плохо, когда дорога открывается недостойным или когда это происходит слишком быстро. Однако в том, что адвокаты, ведущие дела принцев, пользуются их покровительством, нет особой беды, точнее, это неизбежное зло. «Среди пороков века, в котором мы живем, вполне извинительно адвокатам вмешиваться в дела... дома, которому они столь многим были обязаны»⁸⁷. Беда, скорее, в том,

⁸⁴ Схожим образом генеральный адвокат Жак дю Фай в 1589 г. умер от огорчения, узнав о бедах, постигших короля. См.: Ibid. P. 128.

⁸⁵ Ibid. P. 135.

⁸⁶ Ibid. P. 85–86.

⁸⁷ Ibid. P. 132.

что связь адвокатов и могущественных принцев ослабла. Луазель объясняет, что некогда «гранды» обращались к адвокатам, которые, именуясь то «канцлером», то главой частного совета того или иного принца, вели их дела как в парламенте, так и в других судах. Но затем магистраты сами оценили выгоды такой службы. Несмотря на ордонансы, запрещавшие советникам вести дела принцев⁸⁸, «сегодня нет ни одного из знатных сеньоров, в совете которого не заседал бы президент, мэтр прошений или советник парламента». Но последние, либо не обладая достаточным мастерством, либо не желая тратить свое время и силы, сами нанимают какого-нибудь адвоката за скромную плату. Луазель сравнивает таких адвокатов с рабами, «продающими себя за долю в барыше (“ad pretium participandum”))», и полагает, что именно они стали причиной упадка престижа адвокатского сословия. Паскье датирует начало такой практики 1554 годом, когда адвокат Пьер Сегье, став одним из президентов парламента, получил королевское разрешение остаться при этом в совете герцогини Феррарской, а заодно сохранил свое место и в других советах⁸⁹.

Помимо «фавора грандов», способствовавшего продвижению адвокатов, в «Диалоге адвокатов...» говорится и о «фаворе прокуроров». Прокуроры парламента вели для клиентов всю документальную часть процесса. Их социальный статус был явно ниже адвокатского. Если адвокат именовался «благородным человеком» (*noble homme*), то прокурор — лишь «почтенным человеком» (*honorable homme*), без малейших претензий на дворянский статус. Хотя прокуроры входили с адвокатами в общее братство Св. Николая и тоже считались членами *barreau* (вот почему этот термин не всегда можно переводить как «адвокатура»), их статус был «тупиковым»:

⁸⁸ Ordonnance générale rendue sur les plaints, doléances et remontrances des états assemblées à Orléans (Orléans, janvier 1560), Art. 44 // Recueil général des anciennes lois français depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution / Ed. Fr.-A. Isambert et al. Paris, 1829. Vol. 14. P. 76; Ordonnance rendue sur les plaints et doléances des états généraux assemblées à Blois en novembre 1576, relativement à la police générale du royaume (Paris, mai 1579). Art. 112 // Ibid. P. 414.

⁸⁹ «Поскольку мы живем в королевстве прецедентов (*au royaume des consequences*), часто добрые начинания подают плохой пример» (*Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 7*).

адвокат мог стать советником, королевским адвокатом, а после и президентом, прокурор — нет. Он мог стать лишь богатым прокурором, и только. От прокуроров не требовалось обязательного университетского образования, но они превосходно знали «практику», рутину делопроизводства. Даже самые красноречивые и популярные адвокаты зависели от прокуроров. Порой последние работали в устойчивой «связке» с адвокатом, особенно когда адвокаты женились на дочках и племянницах прокуроров.

Луи Деспорт был женат на племяннице прокурора Брюше. На этом примере Деспорта Паскье показывает, «на что могут надеяться адвокаты, которые не столь учены, как другие. Оставаясь некоторое время у прокурора, он стал таким искушенным практиком, что... его брат, сам бывший к тому времени адвокатом парламента, посоветовал ему изучать право в университете. Вернувшись во Дворец уже адвокатом, Деспорт повел дела столь хорошо, что основал процветающий дом и стал впоследствии королевским адвокатом». Но первым успехом, положившим начало его продвижению, он был обязан практике у прокурора Брюше. Паскье замечает, что своей славы многие адвокаты добились благодаря знакомствам и брачным союзами с семьями прокуроров, «и это более надежно, чем фавор советников, королевских людей или президентов, по крайней мере, если у самих адвокатов есть некоторые способности»⁹⁰.

Действительно, адвокаты во многом зависели от прокуроров. В XVII в. юрист Лоран Буше писал: «Мы знаем Дюмулена, Ребюсю, Дорена — адвокатов Парижского парламента, в котором прокуроры выставили их немymi идиотами, хотя их ученые писания вызывали затем восхищение всего мира»⁹¹. Но любопытно, что Паскье, превосходно понимая важность «практики» и «практиков», старается не слишком распространяться о них. Несмотря на общность целей и многочисленные личные связи, «адвокатскому сословию» важно было дистанцироваться от прокуроров, показывая, что они не уступают «дворянству мантии».

⁹⁰ Ibid. P. 115.

⁹¹ “Les procureurs les avoient rendu idiots et muets, bien que leurs doctes paroles escrites fussent admire par l’Univers” (*Bouchel L. La Bibliothèque ou Trésor du droit français. Paris, 1615. P. 125.*)

О СКРЕПАХ

В рассуждениях о «своих» и «чужих» Паскье проводит и другую границу: между практикующими адвокатами и учеными юристами. Образование и эрудиция — несомненные козыри адвокатов, и их любовь к университетской альма-матер всячески подчеркивалась. Однако из университетских преподавателей получались плохие адвокаты. «Придя во Дворец, сколь бы учены они ни были, они не попадали в число лучших. Так, Жан Пужуаз был великолепен на своих занятиях, но вовсе не был таковым на судебных выступлениях, а порой выглядел даже смешным, что происходило, на мой взгляд, по двум причинам. Одна из них заключалась в том, что он всегда хотел показать свою ученость, в то время как лучше скрывать свою игру⁹². Другая же причина состояла в том, что, когда молодой человек начинает выступать в суде с речами, к нему относятся благосклонно, легко прощая сделанные им ошибки, но смеются над магистрами искусств, если они допустят хоть малейшую оплошность. Поэтому преподаватели часто уходят из адвокатов, видя, что тех, кто был их учеником, слушают лучше, чем их самих»⁹³.

Паскье и Луазель гордятся учеными юрисконсультами, но, хотя они и приносят честь и славу корпорации, адвокаты они не очень хорошие. Это относится и к Жану Бодену, и к Шарлю Дюмулену, «который, как всем известно, был среди современников наиболее сведущим в гражданском и кутюмном праве и все же был неумел в роли адвоката, особенно выступая на процессах; его деяния при жизни и близко не ценились так, как после смерти ценились его сочинения»⁹⁴.

Адвокат Луи Алельм был бы великим адвокатом, если бы чаще выступал в суде. Но он был «человеком книг и свободы»⁹⁵. Покинув Дворец, он предался красотах латинской поэзии,

⁹² “Qu’il faut cacher son jeu” — в другом месте Паскье говорил, что ученые цитаты надо умело прятать, демонстрировать публичке свою ученость изредка и всегда к месту, не перегружая цитатами свое выступление.

⁹³ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 130.*

⁹⁴ *Ibid. P. 83.*

⁹⁵ “Homme de livres et de liberté” (*Ibid. P. 110*).

достигнув ранга лучших поэтов своего века. Среди адвокатов было немало хороших латинистов и эллинистов, а королевский адвокат Жиль Бурден, помимо прочего, разбирался в гебраистике, имея обыкновение читать авторов на языке оригинала, был хорошо образован в теологии, математике, медицине, в послеобеденных беседах удивлял адвокатов ссылками на Архимеда, Витрувия и Кассиодора, опубликовал греческий комментарий к комедиям Аристофана, хорошо играл на лютне и клавесине. Но наши беседующие о судьбах своего профессионального сообщества адвокаты не считали его примером для подражания⁹⁶.

Отвечая на вопрос о требованиях к адвокату, Паскье, сам принадлежавший к числу ученейших людей, предостерегает от излишней эрудиции. На первое место он ставит знание судебной практики, умение самостоятельно составлять юридические документы, соблюдать формальности, «уподобляя их по своей важности религиозным церемониям, обручам, которые удерживают вино в бочке, или цементу, на котором крепятся камни любого здания»⁹⁷.

Если говорить об *ordo advocatorum*, то в «Диалоге адвокатов...» роль такого цемента играют рассказы о примечательных чудаках, без чего ни одна социальная группа не становится реальной общностью.

Жан Давид — рьяный лигёр, он часто уснащал свою речь латынью, допуская при этом массу ошибок. Не заботясь о чести, он постоянно брался за «нехорошие процессы» (т.е. заведомо неправые дела) и столь часто подвергался штрафам, что его в шутку называли «королевским адвокатом», объясняя, что если король тратится на жалование своим адвокатам, то Жан Давид, напротив, постоянно тратится на короля, уплачивая свои штрафы⁹⁸.

⁹⁶ Примечательно лишь то, что он умер во сне (что почиталось за счастье античными философами и поэтами, но было большим злом для христианина). См.: Ibid. P. 86–87.

⁹⁷ Ibid. P. 127–128.

⁹⁸ Ibid. P. 107–108. Жан Давид вполне мог бы стать не чудачком, а антигероем. Но в «Диалоге адвокатов...» лишь осторожно говорится, что он был мятежником и смутьяном, «поскольку именно он привез из Рима первые записки Лиги... что породило и породит столько зла во Франции». Жан Давид, сопровождавший епископа Парижского Пьера Гонди в Рим, умер при загадочных обстоятельствах на обрат-

Адвокат Фелибер Баррио брал по 5 су за заполненный лист. Один нормандец, заплатив двойной дукат, посчитал, что переписанные тексты не стоят так дорого, и потребовал сдачи. Но адвокат не растерялся, сказав, что вспомнил один аргумент, который может стать решающим для всего дела, и тут же надиктовал клерку еще два листа, чтобы покрыть полученную сумму⁹⁹. Этот же Баррио питал такую любовь к своим процессам, что, уже став советником, дома в одной из комнат развесил мешки с документами по каждому из прежних дел¹⁰⁰ и любил пересчитывать их с тем же чувством, с каким крестьянин пересчитывает своих овец¹⁰¹.

Паскье вспоминает, как во времена его молодости бедный, но пригожий на вид адвокат, поселившись возле дома одной женщины, имевшей дочку на выданье, каждый день шествовал у них под окнами во Дворец, причем его клерк нес за ним большой мешок, чтобы показать, какая у него богатая практика. План удался, и вскоре он женился. Когда же обман раскрылся и выяснилось, что практика у него не такая уж и обширная, жена взяла на себя все его расходы, поскольку происходила из богатой семьи¹⁰².

Объектами насмешек были и старики из категории «вечных» адвокатов. «Я забыл упомянуть о Жане дю Буасле, в котором не было ничего достойного внимания, кроме силы и громкости голоса ... когда он произносил речь в Палате прошений, то было его слышно в капелле Дворца»¹⁰³. В конце своих дней он казался смешным, хотя в молодости его ценили.

ном пути. В его бумагах нашли генеалогическое сочинение, доказывающее, что Лотарингский дом Гизов обладает большими правами на французский престол, чем потомки Гуго Капета.

⁹⁹ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 119.*

¹⁰⁰ Холщовые мешки играли роль современного скоросшивателя. Адвокаты и прокуроры вели опись хранившихся в них свитков и утром и вечером завязывали их, запечатывая тесемки своей печатью. По первому требованию они должны были представить властям их содержимое по описи.

¹⁰¹ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 119.*

¹⁰² *Ibid. P. 116–117.* Паскье поясняет, что рассказывает об этом, дабы показать, что в каждой профессии и в каждом сословии есть свои мошенники (*happetourdes*).

¹⁰³ *Ibid. P. 101.*

Когда Паскье только поступил во Дворец, одним из старейших адвокатов был уже известный нам Рауль Спифам. «Говорили, что некогда он был очень известен, принадлежал к одному из лучших семейств города, но к концу дней его слава закатилась, и он был примечателен лишь одним: желая воссоздать или поддержать древний знак чести адвокатов... на ежегодную присягу по случаю открытия сессии парламента, он являлся в алой мантии, чего никто, кроме него, не делал, хотя, как я вам уже говорил, на старинных церковных фресках адвокаты изображены в таких же одеяниях, что и советники»¹⁰⁴. Примечательно, что Паскье не считает Спифама своим союзником и не упоминает о его книге. Не считает он таковым и Шарля Дюмулена, всегда подчеркивавшего общественную пользу своих занятий. Возможно, это было вызвано их слишком нарочитым противопоставлением себя прочим адвокатам. Так, Дюмулен однажды ответил своему коллеге, который удивился, видя, что мэтр возвращается из Дворца в час дня: «Там адвокаты-консультанты, отошедшие от дел или не занятые процессами, ведут досужие беседы, и так проходит вся их жизнь», он же удаляется, дабы работать над книгами, поскольку его мир — это его кабинет. Спифам почти дословно совпадает с Дюмуленом в своем ответе приставу, огласившему ему запрет появляться во Дворце¹⁰⁵.

Эти яркие адвокаты, творившие в середине XVI в., ощутив уязвимость адвокатского статуса, старались выделить себя из общей массы людей в черных мантиях, но они не были склонны к конкретным действиям, направленным на сплочение *ordo advocatorum*. Паскье и Луазель, напротив, стремились укрепить самосознание адвокатов *in corpore*. Поэтому они старались по возможности загладить имевшиеся противоречия и обеспечить преемственность поколений ради выживания корпорации.

¹⁰⁴ Ibid. P. 102.

¹⁰⁵ «Одиночество подходит ему больше, нежели посещение собрания стряпчих, тратящих свой ум на бесплодные мелкие вопросы. Он не желает походить на них (тем более что большинство из них являются его учениками, впрочем, плохо усвоившими его уроки) и не хочет отвлекаться от важной работы во славу короля и общего блага» (*Spifame R. Dicaearchiae... Fol. 130v–131r*).

«Стачка» оказалась успешной, но тактическая победа адвокатов, согласно М. Ярдени, не избавила их от стратегического поражения. Через два года во Франции будет введена полета, де-юре закрепившая продажу должностей. Магистраты окончательно отделятся от адвокатов.

Но были ли адвокаты побежденными? Авторы «Диалога адвокатов...» и их единомышленники продемонстрировали пример успешного социального конструирования, сумев сплотить ранее аморфную социальную группу во вполне реальное объединение, наделенное корпоративным духом и осознанием общих целей. «Кто-нибудь продолжит список, начатый нашим старейшиной, и включит в него имена тех, кто живет сегодня и кто, как я считаю, ничем не уступает предшественникам... Вы же обязаны предпринять все усилия для сохранения за нашим сословием того ранга и тех почестей, которые своими трудами и заслугами завоевали наши предки, чтобы передать их вашим преемникам»¹⁰⁶, — заключает Луазель.

Как выяснилось, он сам вел такой список — наследники найдут его в бумагах. И в дальнейшем список будет продолжен, равно как и список всех батонье общины адвокатов Парижского парламента вплоть до середины XIX в. Эти данные приведены в издании Андре Дюпена 1844 г., причем сам издатель с гордостью именуется бывшим батонье корпорации адвокатов Парижского парламента¹⁰⁷.

Список адвокатов двух последних веков Старого порядка не изобилует именами интеллектуалов первой величины, но это были люди, сформировавшие и отстаивавшие четкие представления о роли адвоката в обществе. Сегодня историки не считают, что именно адвокаты свершили Французскую революцию, но этот тезис слишком уж часто повторялся современниками, чтобы его полностью игнорировать. В период Реставрации и Июльской монархии французская адвокатура переживет свой золотой век. Для Дюпена Луазель — актуальный собеседник, затрагивающий «вечные

¹⁰⁶ *Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 142–143.*

¹⁰⁷ *Dupin A. Noms par ordre chronologique des plus célèbres avocats de 1600 à 1790; Suite jusqu'en 1810; Batonniers de l'ordre des avocats // Loisel A. Pasquier ou Dialogue des avocats... P. 151–166.*

вопросы» адвокатской практики¹⁰⁸. Таким же актуальным «Диалог адвокатов...» становится для русской адвокатуры пореформенной России и для современных российских адвокатов. А это значит, что парижским адвокатам, беседовавшим во время вынужденных каникул 1602 г., выпала редкая удача — способствовать созданию корпорации, которая переживет века.

Редкая удача выпала и нам. Благодаря красноречию адвокатов мы видим, как конструируют сообщество. Авторы «Диалога адвокатов...» старательно выбирают святых патронов-покровителей и легендарных «отцов-основателей», очерчивают границы группы, отделяя себя как от «практиков»-прокуроров, так и от магистратов, стараются дистанцироваться от внешних влияний, от искусов политики, сознательно сглаживают противоречия внутри группы, набрасывая коллективный портрет сообщества адвокатов, скрепленного общими воспоминаниями о героях, чудаках и злодеях.

¹⁰⁸ Ibid. P. 180–203.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД. СЛОЖНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ

– Для чего живет человек на земле? Скажите!
– Да как же так сразу? — смутилась Федосья Ивановна. — И потом — где живет?.. Ежели у нас, в Смоленской губернии, это одно...
А ежели в Тамбовской — другое...

Г. Горин. Формула любви.

Работу историков нередко сравнивают с процессом сборки пазлов. Увлеченные этим занятием люди обычно ставят перед собой картинку-образец и высыпают детали на стол. Если их много — более пятисот — то к этой работе можно подключить всю семью. Сверяясь с образцом, начинают искать детали, образующие рамку. Остальное зависит от числа деталей, усидчивости участников, слаженности работы команды. Однако в последние годы на рынке пазлов появились новинки: например, *crazy shapes*, в которых и нарезка деталей «кривая», и главное — рамка отсутствует. Это очень близко к тому, с чем мы столкнулись. Только для полноты аналогии представим, что картинка-образец потеряна и каждый из сборщиков руководствуется собственной памятью.

И действительно, пока есть общее представление, какой должна получиться картина, и в какую рамку мы должны ее вписать, мы можем справиться с задачей, подобрав место и для общины английского монастырского города, и для парижской университетской корпорации, и для стрелковой гильдии, не говоря уже о реймских сапожниках и перчаточниках, соединив их через выявление взаимодополняющих и похожих свойств. К таковым могут быть отнесены наличие присяги, или установленная процедура выборов должностных лиц, или совместное почитание святого-покровителя. Но рамки нет, картинку убрали, а перед нами множество разнообразных объектов, и непонятно, как их состыковывать друг с другом. Только и остается доставать из коробки каждый по очереди, любуясь его уникальностью.

Но по мере знакомства с ними все более отчетливо проявляется некоторое общее свойство, которое выделяет изучаемые

сообщества в ряду множества других элементов социальной стратификации. Причем это свойство проявляют многие коллективы, которые не обозначены в текстах особым словом или термином. Нередко социальная группа существует вполне реально и даже различима в источниках, но «терминологическая определенность» приходит к ней задним числом. С другой стороны, есть множество социальных категорий, встречающихся в текстах законов или на страницах хроник, которые ни разу не проявили себя в качестве общности, сознающей свое единство и способной к организованному совместному действию. Поэтому наименование, маркирующее какую-то группу людей, важный, но не универсальный признак сообщества.

Единственное, чем мы можем уверенно оперировать, — сведения об организованной деятельности какой-либо группы. Причем это должно быть не единичное упоминание, а целая серия разновременных фактов. И такое общее свойство — способность к самоорганизации, свидетельства которой мы обнаруживаем в источниках.

Если имеющиеся у нас сведения образуют некую последовательность, то этого достаточно, чтобы доказать действительное существование сообщества и показать его эволюцию. При таком подходе ответ на вопрос о моменте возникновения сообщества теряет принципиальную важность. Ведь о нем долгое время шли споры в историографии. Некоторые историки считали, что подобные сообщества существовали постоянно со времен поздней античности. Другие указывали — и, возможно, небезосновательно — на истоки общностей в каролингской эпохе. А третьи намекали на происхождение гильдий от раннесредневековых союзов странствующих купцов, понимая при этом слово «гильдия» весьма широко. Возможно, что правы все и что раннесредневековое общество было наспиговано самоорганизующимися сообществами, однако они не оставили следов в источниках, и поэтому у нас нет возможности ни изучить их, ни даже представить убедительное обоснованную ретроспективную реконструкцию.

Сообщества, сколь бы разнообразными они ни были, возникают в поле зрения авторов средневековых текстов во второй половине XI в. и уже никуда не исчезают. Их становится все больше; сначала они появляются в темпе адажио, потом анданте, в XIII в. это уже аллегро, а в XIV и XV столетиях

наступает крещендо. А это значит, что организованных сообществ много, они разные, чаще всего они формализованы и, наконец, без них невозможно представить существование средневекового города.

Несмотря на многочисленные и глобальные перемены в социальном устройстве, происшедшие в постсредневековом мире, все же современные корпорации свой идеальный портрет копируют с тех лекал, которые возникли в Средние века. Иногда это вполне оправданно, как в случае с университетами и академическими структурами в целом. Их формы были найдены эмпирически магистрами и студентами в конце XII — начале XIII вв. Иногда это родство, скорее, фиктивное (транснациональные корпорации, профсоюзы и т.п.). Но важно другое — в большинстве случаев, когда возникает референция «средневековая корпорация», она имеет расширительное толкование: подразумевается вся, как минимум тысячелетняя, средневековая история, хотя в действительности речь идет лишь о периоде, который мы определили как крещендо, или о последних двух-трех веках Средневековья.

Итак, для нас важным критерием является «информационный шум», вернее, изменение его интенсивности, связанное с изучаемым сообществом. При этом не следует забывать о необходимости различения действующих организованных социальных групп и социальных категорий, присутствующих лишь в воображении хрониста или законодателя.

Мы предполагаем, что удобным критерием является оформление границ сообщества, как территориальных, так и иных. Создание территориальной границы — возведение стены, установка межевых знаков и ориентиров — одновременно формирует сообщество и зримо отделяет его от внешней среды. Через историю этих артефактов можно показать и становление сообщества.

Различные границы — социальные, юридические, символические, сакральные — оказываются в центре нашего исследования. Их редко удается изучать как раз и навсегда сформировавшийся объект, они существуют только в динамике и требуют постоянной верификации.

Как известно, кладом для археолога является помойка, а для историка кладом является скандал. В большинстве случаев именно в конфликтных ситуациях сообщества заявляют о себе в полный голос. Конфликты создают напряжение

нормы, выявляя отношения и коллизии, в рутине повседневной жизни скрытые от глаз наблюдателя.

Мы не будем говорить о структурных сдвигах, порождавших средневековые сообщества, хотя гипотез существует много. Для нас важнее отметить, что в Средние века сложилась определенная модель развития общности, предполагающая публичную фиксацию статуса в той или иной форме. Высшим достижением на этом пути стало получение письменно фиксированной привилегии или составление устава. Это, конечно, было обусловлено развитием соответствующих информационных возможностей. Прежде всего, появляются слова, которыми описываются интересующие нас объекты. Вопреки распространенному мнению это еще не термины с устоявшимся, строго определенным значением. Их смысл контекстуально обусловлен — он определяется широким спектром обстоятельств: от местных политических коллизий до кругозора и образования автора текста. Затем, с ростом частотности употребления, они обретают более четко очерченный круг значений. Этому способствовало быстрое и даже иногда взрывное развитие юридической мысли, как в форме нормативных текстов и трактатов, так и в форме интерпретации событий и фактов через формулы документов. Таким образом складывается насыщенная информационная среда. Университетам, капитулам, ремесленным корпорациям, возникшим в последние столетия Средневековья, не нужно было долго искать формы своей организации — они могли воспользоваться уже существующими примерами. Это не приводило к тотальной унификации, каждое сообщество обладало достаточными возможностями для выражения собственной самобытности. Но эта богатая палитра возможностей имела не очень удобное для историка следствие. Нередки были случаи, когда в источниках фигурируют сообщества со всем необходимым набором признаков, которые оказывались либо «пустышкой» (вспомним неудачные попытки насадить организованное ремесло во фландрском городе Ло), либо «эмбрионом», как Университет в Кракове, основанный в 1364 г., но реально начавший свою деятельность с 1400 г.

Эта же информационная среда, по-видимому, повинна в том, что внутренне непротиворечивая классификация городских сообществ, построенная на функциональном принципе, вряд ли возможна. Вроде бы одни сообщества имели

ярко выраженные производственные функции, другие обладали каритативными функциями, третьи были призваны обеспечить порядок и оборону города. Многие сообщества имели характер свободного клятвенного союза, другие таковыми не являлись, как, например, церковный приход. Но все они, начиная с какого-то момента своего существования, играют по одинаковым правилам. То есть выбирают своих должностных лиц, почитают святого-патрона и обзаваются различными реликвиями, помогают бедным, имеют общую кассу, являют себя городу во время праздничных шествий и, конечно же, собираются на совместные пиры, неизменно осуждаемые властями.

Иначе говоря, существует *gestalt*, и он позволяет нам, не забывая о разных типах вариативности, проследить определенные устойчивые последовательности. Например, мы можем увидеть сходство в деятельности фландрских стрелковых гильдий и ливонских братств Черноголовых, являвшихся одновременно и военной организацией, и рекреативной корпорацией, организующей «спортивные состязания» и городские праздники. В конце концов, это был один культурный ареал, один хронологический период и экономически единый регион, связанный северной морской торговлей и «прошитый» личными контактами. Достаточно вспомнить представителей ревельского братства Черноголовых. Они отправились в Брюгге заказывать ретабло для своей капеллы, а мастер среди прочего изобразил несколько десятков коленопреклоненных братьев, придав им индивидуальные черты, которые позволяют считать их портретами членов делегации. Однако вряд ли существовали интенсивные личные контакты между жителями ливонских и итальянских городов. Но североитальянские контрады — административно-территориальные и военные объединения местных жителей — демонстрируют ту же эволюцию: военные функции дополняются или даже вытесняются развлекательными. Достаточно вспомнить знаменитое сиенское Палио, до сих пор организуемое контрадами.

То, что мы подчеркиваем невозможность функциональной классификации городских сообществ, вовсе не означает, что мы отрицаем функциональную нагрузку этих сообществ, социальную обусловленность их возникновения и функционирования и прагматические резоны их существования.

Мы не ставили специальной задачи исследовать эти проблемы, исходя из того, что они неплохо разработаны в историографии. Однако проведенные исследования могут служить основой для последующих изысканий. Так, например, можно задаться вопросом о взаимосвязи эволюции систем родства и особенностях формирования городских сообществ. Первое, что бросается в глаза, — это хронологическое совпадение усиления социальной роли малой семьи (при соответственном ослаблении других родственных связей) и стремительный рост числа всевозможных сообществ. Некоторые из них вполне эксплицитно брали на себя роль новой «большой семьи». В других случаях родство подразумевается имплицитно, воплощаясь в различного рода метафорах — братской любви, братской взаимопомощи и т.д.

Конечно, значимость малой семьи в крупных городах росла очень постепенно; параллельно с этим сохранялась, а временами усиливалась роль патрицианских линияжей. Общеизвестна также роль консортерий в итальянских городах. Но любопытно, что и консортерии вели себя подобно другим городским сообществам (есть сведения об уставах и внутреннем правовом регулировании в консортериях), а патрицианские линияжи оказывались включенными в городские общности разных уровней и типов.

При этом вполне очевидно, что эволюция городских сообществ не должна рассматриваться отдельно от общего духовного климата и религиозных исканий в Западной Европе после Тысячного года. Сколь бы ни были сильны социальные, хозяйственные и даже социально-антропологические причины формирования городских сообществ, не следует забывать, что их неотъемлемой частью были поиски путей коллективного и индивидуального спасения. Тут мы можем наблюдать сходство логики развития средневековых монашеских и других церковных общин (вспомним о средневековой истории каноников) и городских сообществ. Декларируемая в подавляющем числе случаев братская любовь как основополагающий принцип отношений внутри общины/сообщества — это не только метафора реальных родственных отношений, но и отсылка к базовым христианским ценностям. И к этому же присоединяется неременная помощь бедным, совместная молитва в собственной часовне или капелле и формирование особых практик благочестия,

поминовение умерших членов сообщества («нерасторжимое сообщество живых и мертвых», исследованное О. Эксле). Важно подчеркнуть, что роль этих функций, вероятно весьма существенная в момент возникновения сообщества, с течением времени не ослабевала, а усиливалась, и иногда их начинали воспринимать как основные. Достаточно вспомнить укрепление культа святых-патронов, пресловутую «охоту за реликвиями», расцвет религиозных процессий. Не случайно в литературе возник термин «корпоративный католицизм». Коллективное благочестие представлялось залогом спасения души. Корпоративный католицизм достигает своего апогея в начале XVI в. и затем становится главной мишенью атак со стороны реформаторов разного толка. Мартин Лютер со свойственной ему резкостью суждений обвинил современные ему братства в том, что их цель — не спасение души, а организация бессмысленных попоек.

Городские самоорганизующиеся сообщества приспособились к новым условиям, обрели второе дыхание, сохранили, а иногда даже и приумножили свое социальное значение. Но это происходило уже в другую эпоху...